

ХЕЛЕН ГУДА

АГНИЯ СКАЗКА

A woman with long, wavy red hair and blue eyes stands in a lush garden. She is wearing a green long-sleeved dress with a white skirt and a decorative lace-up bodice. She holds a large wicker basket filled with ripe red tomatoes. The garden is filled with tomato plants, some with green fruit and others with red. In the background, there is a large, multi-story wooden house with a blue roof and two chimneys, surrounded by tall evergreen trees under a blue sky with white clouds.

НЕПОКОРНАЯ
НЕВЕСТА

или

АДЖИКА ПО-ПОПАДАНСКИ

Хелен Гуда

**Непокорная невеста, или
Аджика по - попадански**

«Литнет»

2025

Гуда Х.

Непокорная невеста, или Аджика по - попадански / Х. Гуда —
«Литнет», 2025

Мои заготовки стали легендой среди дачников! Аджика, лечо, овощная икра... Но однажды, потянувшись за спелым томатом, я внезапно очутилась в теле Аэлиты – сбежавшей невесты могущественного мага. Вот вроде только удалось наладить новую жизнь, подружиться с говорящим вороном, как на пороге появляется... ОН! Загадочный незнакомец, сведущий в магии и никогда не отказывающий в помощи. И почему меня не покидает чувство, что он здесь не просто так ? Как вообще сохранить тайну, кто я и выжить в этом чокнутом мире, где даже томатный сок может стать мощным зельем? Вас ждут: Неунывающая попаданка Благородный герой Злобный конкурент Невероятные рецепты аджики и хренодера Юмор, солнце, приключения Теплая уютная история с ХЭ книга пишется в рамках литмоба

© Гуда Х., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог.	5
Визуализация	8
Глава 1.	13
Глава 2.	18
Глава 3.	25
Глава 4.	28
Глава 5.	34
Глава 6.	39
Глава 7.	46
Глава 8.	52
Глава 9.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог.

– Она ведьма! Это не заготовки, это ведьмино зелье! – орет скрюченная старуха и пытается сбить с прилавка банку с аджикой.

Запах жареного мяса, щедро приправленного незнакомыми специями, густой аромат конской сбруи и терпкий дух пота – эта ядреная смесь буквально вбивалась в нос на рыночной площади. Назойливые крики торговцев, визгливый смех кружащих у ног детей, жалобное блеяние коз, привязанных к телегам. Оглушительная какофония звуков обрушилась на меня, словно ледяной водопад, лишив остатков ориентации. Я по-прежнему не могла осмыслить происходящее и поверить в эту сюрреалистическую реальность. Еще вчера мои руки любовно упаковывали банки с домашней аджикой для уютного фермерского рынка в Подмоскowie, а сегодня... сегодня меня едва не разорвала на части обезумевшая толпа, словно я угодила прямиком в какой-то мрачный средневековый фильм. Дыхание перехватило от ужаса.

– Ведьма! Сжечь ведьму на костре! – ревели голоса, вторя крику старухи, нарастая до оглушительного крещендо. Казалось, еще мгновение – и мои барабанные перепонки не выдержат этого неистового вопля. Сердце колотилось в груди, словно бешеная птица, готовая вырваться на свободу.

Вчерашний помидорный рай – стройные ряды банок с моей фирменной рубиново-красной аджикой, любовно расставленные на домотканой скатерти – в мгновение ока превратился в злое алтарь. Вокруг моей тележки, словно голодная стая волков, рыскала толпа, готовая растерзать не только меня, но и мой "колдовской товар". В их глазах читались первобытная злоба, страх и какое-то дикое предвкушение.

– Она отравит нас своими зельями! – проорал какой-то толстяк с пунцовым, лоснящимся от пота лицом, неистово размахивая кулаком. Его обвислые щеки тряслись в унисон с каждым криком, словно желе. – Вонь от ее банок сводит с ума! От нее молоко скисает!

– Да, это все магия! Черная магия, не иначе, – поддержала его какая-то злобная старуха, опираясь на кривую клюку, украшенную зубами неизвестных животных, и смачно плюнув мне под ноги. Слюна, густая и желтоватая, медленно расплзлась по пыльной земле. Меня передернуло от отвращения.

Я сжалась, инстинктивно пытаюсь защитить свои драгоценные банки. Неужели моя аджика действительно так отвратительно пахнет? Я же готовила ее с любовью, с душой, как учила меня бабушка. Слезы подступили к глазам.

– Пойдите. Пожалуйста, дайте мне хоть слово сказать! – взмолилась я, чувствуя, как в горле образовался болезненный ком, перекрывающий дыхание. – Это просто... консервация. Обычные овощи, специи, уксус... Никакой магии. Я клянусь, честно, – голос дрожал, выдавая мой неподдельный страх.

Но меня никто не слышал. Толпа надвигалась, словно неумолимая волна, их лица искажены гримасами ненависти и страха. Один из торговцев, здоровенный детина с перекошенным лицом и дубиной в мозолистых руках, замахнулся на ближайшую банку с аджикой. Его глаза горели нездоровым блеском.

– Сейчас мы проверим, что там у тебя внутри, ведьмовское отродье! – прорычал он, обнажая кривые пожелтевшие зубы.

Я зажмурилась, вжавшись в тележку, ожидая оглушительного звона разбитого стекла, едкого запаха помидоров и хлынувшей волны липкого соуса.

Я была готова к худшему, но ничего не произошло. Лишь тихий шепот молитвы сорвался с моих губ.

Осторожно приоткрыв глаза, я увидела, что передо мной, словно нерушимый бастион, стоит высокий мужчина. Одной рукой, облаченной в тонкую кожаную перчатку, он крепко

перехватил дубину торговца, не позволяя ей обрушиться на мои банки, а другой жестом отгораживал меня от разъяренной толпы.

Он был одет в простой, но элегантный камзол насыщенного графитового цвета, выгодно подчеркивающий его атлетичную фигуру. Ткань выглядела дорого и благородно. Его волосы цвета вороного крыла, гладкие и блестящие, были собраны в низкий хвост, открывая высокий лоб и волевой подбородок. Но больше всего меня поразили его глаза... О, эти глаза. Пронзительные, пепельно-серые, словно грозовое небо, затянутое тяжелыми тучами. Они смотрели на толпу с неприкрытым презрением и... казалось, с легкой, едва уловимой усмешкой. В них читались уверенность в своей силе и какая-то скрытая, опасная игра.

– Что здесь происходит? – его голос был низким, бархатистым, обволакивающим, но в нем отчетливо чувствовалась властная сталь, от которой толпа на мгновение замерла как по команде. В его тоне не было ни капли вопрошания, скорее констатация факта и требование немедленного отчета.

– Господин, эта женщина – ведьма! Она торгует отравленными зельями, сэр! – завопил толстяк, выставив вперед дрожащую руку, указывая на меня, как на опасную змею. Его глаза бегали, полные страха и подобострастия.

Мужчина медленно повернулся ко мне. Его взгляд был пристальным, изучающим, проникающим в самую душу. Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, а сердце пропустило удар. Он смотрел так, словно пытался прочесть меня как открытую книгу.

– Это правда? – спросил он, не отрывая от меня своих обжигающих глаз. В его голосе звучала сталь, но в то же время нотки любопытства.

– Нет! Клянусь, нет! Это просто... аджика! Острая закуска из помидоров! Я могу это доказать, если вы мне позволите, – запаниковала я, тараторя скороговоркой, чувствуя, как мой шанс на спасение тает с каждой секундой.

Мужчина едва заметно приподнял безупречно вычерченную бровь.

– Аджика? Никогда не слышал о таком зелье. Звучит... занятно.

Он снова повернулся к толпе.

– Я сам разберусь с этим. Расходитесь по своим делам, пока я не передумал.

– Но, господин... она опасна. Она может наслать проклятье на весь город, – попытался возразить торговец с дубиной, не желая упускать шанс.

Мужчина бросил на него такой ледяной взгляд, полный презрения и явной угрозы, что тот тут же побледнел, замолчал и, пятясь назад, быстро растворился в толпе. Толпа, бормоча что-то невнятное, словно испуганные крысы, неохотно начала расходиться, оставляя нас одних посреди опустевшей площади.

Когда последний зевака скрылся за ближайшей лавкой, мужчина наконец-то повернулся ко мне, его взгляд стал более внимательным.

– Итак... аджика, говоришь? – он окинул взглядом мои банки, словно рассматривал диковинных заморских зверей, привезенных на ярмарку. – Что это такое и почему эти простолудины решили, что ты – ведьма, изготавливающая яды?

Я выдохнула с облегчением, чувствуя, как напряжение медленно отступает, позволяя сделать хоть один полноценный вдох. – Ну... это довольно сложно объяснить в двух словах. Это... соус. Очень острый. Из помидоров, перца, чеснока... В моей стране это очень популярно, его едят почти с каждым блюдом.

– Твоей стране? – он снова приподнял бровь, демонстрируя легкое недоумение.

– Совершенно верно, – подтвердила я, чувствуя, что хожу по краю. Хотелось ответить: “Я из России”, но потом передумала и сказала: – Из-за моря. Прибыла совсем недавно.

– Из-за моря? – мой спаситель нахмурился. – И как тебя зовут?

– Аэлита, – произнесла еле слышно.

– Интересно. И как ты, Аэлита, попала сюда, в Элдервуд? – и на губах мужчины появилась какая-то странная улыбка, словно я уже прокололась и он понял, кто я такая. Мозг лихорадочно соображает, что ответить, но ничего не приходит на ум, и сердце делает кульбит. Неужели это все? Конец?

Визуализация

Добро пожаловать в мою новинку.

Рада представить вам Надежду Степановну

Дама предпенсионного возраста, которую уже тянет к грядкам и земле.

А это уже Аэлиа Вердена, в тело которой попала наша уважаемая попаданка Надежда Степановна.

Ваше мнение о внешности героини?

Глава 1.

– Да чтоб тебя огородное пугало пробрало, – проворчала я, силясь укрыться от ледяной шрапнели града, обрушившейся на мою и без того измученную поясницу. Едва успела дотянуть спину до спасительного порога теплицы, как ливень превратил меня в жалкое подобие мокрой курицы. И это в самом начале июля! Клялись ведь синоптики, клялись, что будет солнце. Предатели.

Дождь с остервенением колотил по поликарбонату, словно пытаясь пробить тонкую защиту. Грохот был такой, что заглушал даже мои собственные мысли. Но сквозь шум пробивался знакомый успокаивающий аромат: влажная земля, сочная зелень и... предвкушение. Вожделенное предвкушение сотен банок, тесно выстроенных на зимних полках, словно маленькая армия, готовая отразить любую хандру. Аджика, лечо, соленые и пикантные маринованные помидорки... Ради этого стоило терпеть и удушливую городскую духоту, и вечные пробки, и, чего уж греха таить, ворчание соседей.

Ох уж эти соседи. Вечно им что-то не так. "Опять твои помидоры весь свет загораживают! Своих, что ли, мало?" – фыркает баба Зина, будто я виновата, что мои "Черные принцы" растут как на дрожжах. Зато какие они у меня... Ммм, закачаешься. Сладкие, с едва уловимой кислинкой, мясистые, сочные... Идеальные для аджики. Такая приправа в магазине не продается. Это вам не уксус один с томатной пастой.

Я огляделась, прохаживаясь между рядами. Теплица была моим маленьким уютным царством, местом, где душа отдыхала от суеты и проблем. Здесь каждая грядка, каждый кустик были взращены с любовью и заботой. Вот "Бычье сердце" наливается соком, готовое вот-вот лопнуть от сладости и спелости. Рядом "Сливки" – вытянутые, плотные, словно созданные для маринования. А там, в укромном углу, мои любимчики. Те самые "принцы", на которые у меня особые планы, ведь вкуснее и ароматнее помидоров я в жизни не ела.

Я любовно провела ладонью по шершавому, влажному от воды листу томата. Какое все-таки чудо эта природа. Из крошечного семечка меньше булавочной головки вырастает такой статный красавец, щедро одаривающий тебя своими плодами. Главное – вовремя поливать, подкармливать, да и поговорить с ними не помешает. Да-да, я разговариваю со своими помидорами. Может, кто-то и посмеется, но я уверена: они меня слышат. Чувствуют мою заботу и от этого растут еще лучше.

Дождь и не думал утихать. Я присела на краешек старенького деревянного ящика, наблюдая за бурным потоком, стекающим по прозрачной крыше теплицы. Как же здесь хорошо, спокойно. В душном городе такой тишины днем с огнем не сыщешь. Никакого раздражающего гула машин, только умиротворяющий шелест листьев и успокаивающий шум дождя. Почти медитация.

Внезапно мое внимание привлекло какое-то странное свечение. Оно, словно призрачный огонек, исходило от куста "Черного принца", расположенного в самом дальнем и темном углу теплицы. Там, где сырость чувствовалась особенно остро, а солнечные лучи практически не доставали до земли. "Что за чертовщина?" – пронеслось в голове.

Прищурившись, я попыталась получше разглядеть источник света. Свечение было слабым, мерцающим, едва различимым сквозь густую листву. Но оно определено было. Оно пульсировало каким-то таинственным, завораживающим образом, словно внутри куста горел крошечный, но очень яркий огонек. Может, это обыкновенный светлячок залетел? Но откуда ему взяться в такую ненастную погоду?

Непреодолимое любопытство, вечный двигатель всех моих безумных поступков, постепенно брало верх над осторожностью. Я решительно поднялась с ящика и, стараясь не задеть нежные кусты, направилась к таинственному "Черному принцу". Подойдя ближе, я окон-

чательно убедилась: это было не живое насекомое. Точнее, свет исходил не от него. Это был какой-то совершенно необычный, пульсирующий, словно живой, свет, идущий прямо от одного из помидоров.

Помидор на первый взгляд выглядел совершенно обыкновенным. Большой, идеально круглый, с насыщенной темно-бордовой, почти черной кожицей. Но он источал какое-то неземное, завораживающее сияние. Оно казалось теплым, манящим, словно звало меня к себе, обещая невероятные открытия и приключения.

Я просто не могла отвести от него взгляда. Все внутри меня кричало, что это не просто овощ. Это что-то намного большее. Что-то, что может навсегда изменить мою привычную размеренную жизнь.

В голове завертелась безумная карусель вопросов: “Что это такое? Откуда оно взялось? И что произойдет, если я осмелюсь до него дотронуться?”

Инстинкт самосохранения, словно заржавевший будильник, настойчиво вопил, предупреждая об опасности, уговаривая меня остановиться, вернуться к ящику и благоразумно забыть об этом странном явлении. Но любопытство, этот коварный искушитель, оказалось намного сильнее. Поддавшись его напору, я нерешительно протянула руку к светящемуся помидору.

Пальцы, похолодевшие от волнения, робко коснулись прохладной бархатной кожицы. И в этот самый момент... реальность вокруг меня словно рассыпалась на тысячи осколков.

Ослепительная вспышка света ярче солнца пронзила меня насквозь. Резкий, ни с чем не сравнимый запах озона ударил в нос, заставляя закашляться. Возникло жуткое, непередаваемое ощущение свободного падения в какую-то бесконечную ледяную бездну. А затем густая, всепоглощающая темнота.

Что это было? Сон? Галлюцинация, вызванная переутомлением и духотой в теплице? Или... меня током шарахнуло?

Хотя откуда в теплице на грядке с помидорами возьмется электричество?

Медленно шевелю руками. Чувствую тиски, сдавливающие виски до невыносимой боли. Каждый удар сердца отдается гулким эхом в черепной коробке, заставляя перед глазами плясать оранжевые, фиолетовые и ядовито-зеленые искры. Во рту пересохло так, словно я пролежала неделю в пустыне, и язык казался шершавым куском наждачной бумаги. Я попыталась приподняться, чтобы хоть немного облегчить мучения, но тело, словно чужое, откликнулось лишь тупой ноющей болью в каждой клетке. Легкие горели, словно их наполнили раскаленным углем.

– Госпожа! Очнулись. Слава небесам! – услышала я встревоженный, доходящий почти до истерики женский голос. В нем слышалось искреннее облегчение и... страх?

Я медленно открыла глаза, с трудом фокусируя взгляд. Надо мной склонилось взволнованное лицо молодой женщины. Испуганные расширенные глаза цвета осенней листвы, взъерошенные каштановые волосы, выбивающиеся из-под небрежно заколотого пучка. На ней был простой серый передник, явно не новый, местами залатанный, а руки выдавали тяжелую работу – красные, шершавые, с потрескавшейся кожей. Она смотрела на меня с такой неподдельной тревогой, что я невольно почувствовала к ней симпатию.

– Как вы себя чувствуете, госпожа Аэлита? Может, позвать лекаря? Я мигом! – продолжала тараторить женщина, хватая меня за руку. Ее пальцы были прохладными и немного влажными.

– Аэлита? – прохрипела я, чувствуя, как горло саднит от каждого слова. Я попыталась осмотреться, осознать, где я нахожусь. – Где я?

Комната была огромной, явно предназначенной для особы королевских кровей, но убранство отличалось какой-то вычурной, нарочитой старомодностью, словно сошедшей со страниц исторического романа. Тяжелые бархатные портьеры винного цвета, почти полно-

стью задернутые, пропускали лишь тонкие полоски приглушенного света. Массивная дубовая мебель, словно выросшая из пола, казалась неподъемной. Резные подсвечники из потемневшего серебра с оплывшими восковыми свечами источали слабый удушливый аромат. И в центре всего этого – огромная кровать с балдахином, задрапированном тяжелой тканью, на которой я лежала, чувствуя себя мухой, угодившей в паутину. Всё это выглядело скорее как декорации к историческому фильму, а не как реальное место. От всего этого веяло пылью веков и затхлостью.

– Вы в своей комнате, госпожа. В родовом поместье Верденов, – ответила женщина, облегченно выдохнув, словно с ее плеч упал неподъемный груз. – Вы были без сознания почти сутки. Мы уж думали... – она осеклась, не договорив, но в ее взгляде я прочитала невысказанное: "...что вы умрете".

– Родовое поместье Вердена? Сутки? – мой голос звучал чужим, слабым и дрожащим. Я попыталась сесть, опершись на локти, но резкая пронзительная боль в голове заставила меня снова рухнуть на подушку, обессилено застонав.

В голове творился хаос, настоящий мозговой шторм, в котором сталкивались осколки двух жизней. Обрывки воспоминаний, словно осколки разбитого зеркала, хаотично мелькали перед глазами, не желая складываться в единое целое. Вот я, Надежда из Подмоскovie, в фартуке и с закатанными рукавами упаковываю банки с аджикой, сделанной из помидоров, любовно выращенных на своей грядке... а вот... бал, ослепительный свет люстр, какие-то незнакомые надменные лица, звенящий хрусталь бокалов, наполненных искрящимся напитком... и меня называют Аэлита. А потом внезапная всепоглощающая темнота. И вот я здесь, в этой странной комнате, в этом чужом теле.

– Что случилось? – спросила я, стараясь говорить медленно и обдуманно, чтобы не выдать свой ужас и растерянность. Каждое слово давалось с трудом, как будто я пыталась продраться сквозь густой туман.

Женщина, которую, кажется, зовут Бетти, с сочувствием посмотрела на меня.

– Вы упали в обморок после примерки свадебного платья, госпожа. Бедняжка, вы совсем измучили себя диетами, чтобы угодить жениху. А ведь вы и так красавица, – в ее голосе слышалось искреннее сочувствие, но в то же время и легкий укор.

Свадебное платье? Жених? Что за бред? Мозг отказывался воспринимать эту информацию, словно она была написана на незнакомом языке.

– Госпожа, ну как можно так себя изводить? Такая хворая да бледная... Как бы лорд Кронберг не отказался от свадьбы. Он ведь такой видный мужчина, – добавила другая женщина, внезапно вошедшая в комнату. Она была постарше Бетти, с суровым лицом, изрезанным морщинами, и властным оценивающим взглядом, от которого становилось не по себе. Осанка выдавала в ней человека, привыкшего командовать. Видимо, старшая горничная или даже экономка.

– Марта! Что ты такое говоришь! Нечего госпожу пугать, – одернула ее Бетти, бросив на старшую горничную осуждающий взгляд.

– Я лишь правду говорю, Бетти. Госпоже нужно больше отдыхать и хорошо питаться, а не голодать перед свадьбой, – буркнула Марта, недовольно поджав губы. В ее голосе слышались раздражение и какое-то скрытое недовольство.

Я слушала их перебранку, пытаюсь собрать воедино разрозненные обрывки информации, словно собирала пазл в кромешной тьме. Свадьба. Лорд Кронберг. Диеты. Родовое поместье. Всё это не складывалось в цельную картину, не имело никакого смысла. Что-то здесь было не так. Слишком не так. Слишком нереально. Слишком... чуждо.

– Просто... плохо себя чувствую, – пробормотала я, снова закрыв глаза, стараясь спрятаться от этой пугающей реальности. – Голова сильно болит.

– Я сейчас принесу вам травяной отвар, госпожа. Он поможет снять боль, – тут же засуетилась Бетти, готовая выполнить любой мой каприз.

– И отдохните. Вам нужно набраться сил перед завтрашним днем, – добавила Марта, бросив на меня долгий оценивающий взгляд, словно прикидывая, сколько времени потребуется, чтобы привести меня в божеский вид.

Завтрашний день? Что будет завтра?

Когда горничные, наконец, покинули комнату, оставив меня в тягостной тишине, я попыталась собраться с мыслями, отделить зерна от плевел. Было очевидно, что я попала в тело другой девушки, Аэлиты из какого-то поместья Вередена. И эта Аэлита должна выйти замуж за какого-то лорда Кронберга. Но почему я ничего толком не помню? Вернее, я отчетливо помню свою жизнь, свою аджику, свою уютную, хоть и тесную квартиру в Подмоскowie... А вот воспоминания Аэлиты – лишь размытые обрывки, разрозненные картинки, как кадры из старого испорченного фильма.

Нужно было разобраться во всем этом кошмаре и как можно быстрее. Но для начала не выдать себя. Не показывать, что я не та, кем кажусь. Иначе кто знает, что меня ждет в этом странном, пугающем мире, где правят лорды, а девушки голодают ради удачного замужества.

В дверь постучали. Громко, требовательно.

– Войдите, – сказала я, стараясь придать своему голосу уверенности, которая, как мне казалось, давно покинула меня.

В комнату вошла женщина средних лет. Высокая, статная, одетая в дорогое платье из темного шелка, подчеркивающего ее бледную кожу. У нее были строгие аристократические черты лица и холодный пронизывающий взгляд серых глаз, от которого мурашки пробежали по коже. Что-то подсказало мне, что это мать Аэлиты.

– Аэлита, ты очнулась, – сказала она, подходя к кровати с каким-то отстраненным, равнодушным видом. – Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, мама, – ответила я, стараясь копировать тон и манеру речи, которые всплывали в моей памяти из обрывков воспоминаний Аэлиты. – Просто небольшая слабость.

Мать присела на край кровати, не касаясь меня, словно боялась запачкаться, и взяла меня за руку. Ее прикосновение было холодным и сухим, словно прикосновение мраморной статуи.

– Послезавтра приедет лорд Кронберг, – сказала она, глядя мне прямо в глаза. В ее взгляде не было ни капли тепла или сочувствия, лишь холодный расчетливый блеск. – Он приедет, чтобы познакомиться с тобой и решить, когда будет свадьба. Я надеюсь, ты прекратишь дурить и приведешь себя в порядок.

Я сглотнула, чувствуя, как в горле образовался ком. Постаралась не выдать своего волнения, своего страха.

– Я... я понимаю, мама, – промямлила еле слышно, но на самом деле хотелось заорать, что я не Аэлита, а пленница ее тела, и потребовать, чтобы меня отправили обратно в мое собственное тело. Да, не такое юное и подтянутое, но зато мое. Но какая-то часть меня знала, что эта истерика ничего не даст, и потому я продолжила изображать Аэлиту.

– Не “понимаю”, а сделаешь! Этот брак очень важен для нашей семьи. На кону стоит наше будущее, наше положение в обществе. Не смей его сорвать своей глупостью и капризами, – отрезала мать, сжимая мою руку до боли. – Тебе нужно выглядеть безупречно. Забудь о своих дурацких диетах. Наберись сил. И постарайся произвести хорошее впечатление на лорда Кронберга. Он не потерпит капризных и болезненных девиц.

– Хорошо, мама, – покорно ответила я, опуская глаза. Я понимала, что спорить бесполезно. В этой женщине не было ни капли материнской любви, лишь холодный расчет и стремление к выгоде. Не удивительно, что девушка до смерти себя измучила диетами.

Мать отпустила мою руку и встала с кровати будто с облегчением.

– Я надеюсь на тебя, Аэлита. Не разочаруй меня, – закончила разговор женщина.

И с этими словами она вышла из комнаты, оставив меня наедине со своими мыслями и страхами. В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием свечей.

Сутки. У меня есть всего сутки, чтобы разобраться во всем этом безумии, в которое я попала. Сутки, чтобы понять, кто я теперь – Аэлита, обреченная на брак по расчету, или всё та же Надежда из Подмосковья, случайно попавшая в чужое тело, в чужую жизнь. Сутки, чтобы решить, хочу ли я выйти замуж за какого-то лорда Кронберга, которого я даже не знаю и который, судя по всему, является не принцем на белом коне, а лишь средством для достижения цели.

И самое главное – сутки, чтобы понять, как вернуться домой. К своей аджике, к своим любимым грядкам, к своей нормальной, пусть и не такой роскошной, но зато своей жизни. Потому что эта новая жизнь с ее поместьями, лордами, свадебными платьями и холодными расчетливыми матерями мне совсем не нравилась. И я была готова на всё, чтобы сбежать отсюда как можно скорее. Но как? Это был вопрос, на который у меня пока не было ответа. И это пугало больше всего. Это сковывало страхом, лишало сил и надежды. Но я знала одно: я не сдамся без боя.

Глава 2.

Оставшись одна в этой гигантской чужой комнате, я словно задохнулась. Внутри все сжалось от страха и неопределенности. Я забралась с ногами на широкую кровать под балдахином, обтянутую тяжелым бархатом, и прижала колени к груди. Шелковые оборки щекотали кожу, но я этого не чувствовала. Тишина давила, как тонна свинца, сковывая движения и мысли.

Что делать? Как выбраться из этой западни, из этого кошмарного сна, который вдруг стал реальностью? Бежать? Но куда? Я понятия не имела, где нахожусь. Элдервуд... кажется, так называется это королевство. Даже слово “королевство” резануло слух. А это название звучало как злое заклинание, словно шепот из могилы. Меня окружали чужие люди, чужие правила, чужой мир.

Нужно было собирать информацию, по крупицам выуживать правду из окружающих. И начинать следовало с малого – с тех, кто казался наиболее безобидным. Горничная Бетти с ее мягким взглядом и тихим голосом показалась мне самой подходящей кандидатурой. Она выглядела словоохотливой и искренней. Именно через нее я могла узнать правду об этом месте, не вызывая подозрений и лишних вопросов.

Пока я обдумывала свой план, дверь тихо скрипнула, пропуская в комнату тонкую полоску света. Вошла Бетти, неся в руках небольшой посеребренный поднос. От него исходил терпкий запах травяного отвара, такой знакомый и одновременно чужой. Он напомнил мне бабушкины чаи из детства, но в то же время в нем чувствовалась какая-то горькая, незнакомая нота.

– Госпожа, я принесла вам отвар. Выпейте, вам станет легче, – проговорила Бетти с заботой, ставя поднос на резной столик у кровати. В ее карих глазах плескалось искреннее сочувствие. Мне даже стало немного стыдно за свои коварные намерения.

– Спасибо, Бетти, – ответила я, стараясь придать своему голосу дружелюбный и спокойный тон. – Прости, что так напугала вас всех. Я вела себя как безумная.

– Что вы, госпожа. Главное, что вы очнулись. Мы все очень переживали, – искренне ответила женщина, пододвигая ко мне чашку с дымящимся отваром. Ее движения были мягкими и аккуратными, словно она боялась потревожить меня.

Я взяла чашку, чувствуя, как тепло обжигает мои похолодевшие ладони. Отвар пах чем-то знакомым, но мой мозг, словно затуманенный, никак не мог вычленить конкретный аромат. Сделав небольшой глоток, я поморщилась. Вкус был горьким, терпким, с едва уловимой ноткой меда. В горле сразу запершило, а по телу пробежала легкая дрожь.

– Что это? – спросила я, стараясь скрыть отвращение за вежливой улыбкой.

– Это сбор трав, госпожа. Он хорошо успокаивает нервы и снимает головную боль. Рецепт передается из поколения в поколение в нашей семье, – гордо ответила Бетти, расправляя кружевной воротничок своего платья. Чувствовалось, что она гордится своей семьей и ее традициями.

– У вас в семье, наверное, много всяких секретных рецептов, – заметила я, стараясь завязать разговор и узнать больше об этом странном месте. – Я не помню, а ты уроженка Элдервуда?

Бетти расцвела в улыбке, словно цветок под лучами солнца.

– О да, госпожа. Мы все родились и выросли в Элдервуде. Самое замечательное королевство на свете. Наш род служит в этом имении с его основания, со времен лорда Элдера, героя нашей земли. Говорят, он заключил союз с духами леса, чтобы защитить свою землю от врагов. Жаль, что вы сюда редко приезжали.

– Духи леса? – переспросила я с притворным любопытством, пытаясь понять, насколько серьезно она говорит.

Бетти понизила голос до шепота, оглядываясь по сторонам, словно боялась, что ее кто-то услышит:

– Ну, это только легенды, конечно, госпожа. Но многие верят, что в лесах вокруг поместья до сих пор живут древние существа. И лучше не гневить их, – сказала горничная с заговорщическим выражением лица.

Ее слова прозвучали пугающе, и я невольно поежилась.

– А какие еще есть местные легенды и сказки? – я засыпала ее вопросами, делая вид, что просто интересуюсь историей своей семьи.

Бетти охотно рассказывала о древних героях, о магических артефактах, о войнах между людьми и магами. По ее словам выходило, что этот мир, в который я попала, был странной смесью средневековья и фэнтези. Мир, где правят лорды и короли, где магия – не сказка, а реальность, и где жизнь человека зависит от его происхождения и богатства. Мир, где женщины – лишь подневольные создания и выполняют волю мужчин.

– А что говорят о лорде Кронберге? – спросила я, стараясь говорить небрежно, словно этот вопрос меня не особо волновал. На самом деле каждая клеточка моего тела напряглась в ожидании ответа.

Лицо Бетти озарилось восторженной улыбкой.

– Ох, лорд Кронберг – завидный жених, госпожа. Он очень богат, владеет огромными землями и шахтами с драгоценными камнями. И говорят, он очень щедрый, – многозначительно кивнула девушка, словно это было самым главным достоинством у мужчины.

Она подошла к огромному, окованному железом сундуку, стоявшему в углу комнаты, и с легкостью открыла его. Внутри я увидела настоящее сокровище: шелковые платья, отделанные кружевом и жемчугом, драгоценные украшения, сверкающие в полумраке комнаты, флаконы с приторно-сладкими духами, шкатулки с замысловатыми узорами. Все это выглядело роскошно и безвкусно одновременно.

– Это все подарки от лорда Кронберга, – с благоговением сказала Бетти, доставая из сундука бархатную шкатулку. Открыв ее, она показала мне ожерелье из крупных бриллиантов, сверкающих холодным равнодушным блеском. – Он очень вас любит, госпожа, и хочет сделать счастливой.

– Щедрый, говорите? – пробормотала я, разглядывая украшения. Бриллианты казались мне осколками льда, символизирующими холодность и расчетливость этого мира. И тут в моей голове созрел отчаянный план. Бежать. Бежать как можно дальше отсюда. И прихватить с собой все эти "щедрые" подарки. Они мне точно пригодятся, чтобы выжить в этом чужом и враждебном мире. – Я уверена, он замечательный человек, – сказала я, стараясь казаться убедительной и подавляя волну отвращения, поднимающуюся изнутри. – Просто я немного испугалась. Но теперь я понимаю, что мне нечего бояться.

Бетти облегченно вздохнула.

– Вот и славно, госпожа. Я рада, что вы пришли в себя. Вам нужно отдохнуть. Завтра будет новый день, – и женщина ободряюще мне улыбнулась.

– Спасибо, Бетти. Ты мне очень помогла, – поблагодарила я ее, стараясь смотреть ей прямо в глаза и выдавливая из себя фальшивую улыбку.

Бетти, довольная улыбаясь, вышла из комнаты, оставив меня наедине со своими мыслями и охватившим пламенем решимости.

Как только за ней закрылась дверь, я вскочила с кровати, словно меня ударило током. Адреналин хлынул в кровь, разгоняя остатки сонного оцепенения. Нужно действовать. Осторожно ступая по мягкому ковру, словно крадущаяся кошка, я начала осматривать комнату. Мое убежище, моя тюрьма. Нужно найти все, что может пригодиться для побега, для выживания. Деньги, документы, оружие...

С оружием, конечно, я раз мечталась. В моей прошлой жизни, в двадцать первом веке, я дальше кухонного ножа не заходила. Да и то использовала его исключительно для нарезки овощей. Но сейчас времена другие. Сейчас – или ты, или тебя. В общем, я искала все, что поможет мне выжить в этом чужом враждебном мире.

Я принялась рыскать по комнате, заглядывая в каждый уголок, в каждый ящик и шкаф. Пальцы дрожали от волнения, а в груди росло отчаяние. Казалось, что время утекает сквозь пальцы как песок.

Наконец в одном из комодов, за ворохом шелкового белья я нашла небольшой кошелек с монетами и несколько украшений, которые Бетти не показывала. Вероятно, самые скромные и незаметные. Хотя что-то.

Но настоящая удача ждала меня впереди. За массивным зеркалом в резной раме обнаружился тайник, а в нем – пара коротких кинжалов с острыми словно бритва лезвиями. Сердце екнуло от неожиданности. Испуг, смешанный с восторгом. Вот оно. Мое оружие, моя защита!

И все же самое интересное я обнаружила случайно, когда, прохаживаясь по комнате, машинально отодвинула тяжелый дорогой ковер у кровати. Под ним, в нише в полу, обнаружилась небольшая деревянная шкатулка, закрытая на потемневший от времени замок. Замок, словно страж, охраняющий чужие тайны.

Сердце бешено заколотилось в груди. Я достала из прически одну из шпилек и дрожащими руками принялась ковыряться в замке. Металл неохотно поддавался, но я не сдавалась. Наконец с тихим щелчком замок открылся.

Внутри, словно драгоценные сокровища, лежали несколько плотно перевязанных пачек денег, какие-то свернутые в трубочку документы и сложенное вчетверо письмо, написанное тонким пером на пожелтевшей бумаге. Запах старины и тайны ударил в нос.

Развернув письмо, написанное аккуратным каллиграфическим почерком, я начала читать. И с каждой строчкой во мне росло осознание, что я нашла ключ к разгадке этой запутанной истории.

"Мой дорогой Марк! Я больше не могу так жить. Я не хочу выходить замуж за этого Кронберга. Я хочу сбежать с тобой, начать новую жизнь в другом месте, где нас никто не найдет. Я уже все подготовила. Деньги, документы, корабль... Жди меня в порту через два дня, сразу после полуночи. Я буду там. Твоя Аэлита."

Руки у меня задрожали так сильно, что я едва могла удержать письмо. Видимо, Аэлита не успела его оправить. Строчки расплывались перед глазами, а в голове пульсировала одна мысль: "Ненавистный брак! Побег! Любовь!" Значит, настоящая Аэлита не хотела замуж за этого лорда Кронберга. Она мечтала о любви, о свободе, о новой жизни. Она хотела сбежать, как и я сейчас. Но что-то пошло не так. Что-то сломалось.

Посмотрев на документы, я увидела маршрутные документы, долговые расписки и прочие бумаги, а также удостоверение личности и свидетельство о смерти Аэлиты Верд – молодой вдовы, умершей от скоротечной лихорадки в небольшом портовом городке. И тут все встало на свои места, словно кусочки мозаики сложились в единую картину. Головоломка сложилась.

Аэлита планировала выдать себя за вдову Верд и сбежать со своим возлюбленным. Она разработала идеальный план, но ее судьба распорядилась иначе. Она умерла. И в ее тело попала я, Надежда, обычная женщина из двадцать первого века, попаданка в чужое тело и чужой мир. Судьба дала мне шанс, второй шанс.

Теперь я знала, что мне делать. Я продолжу ее план. Я сбегу из этого проклятого поместья, выдам себя за вдову Верд и начну новую жизнь.

Но довольно размышлений. Пора действовать! Каждая минута дорога. Время – мой главный враг. У меня его осталось не так много. Нужно было тщательно продумать каждый шаг, чтобы не допустить ни малейшей ошибки. Ведь на кону моя жизнь, моя свобода, моя новая судьба.

Я достала из шкатулки свидетельство о смерти Аэлиты Верд и внимательно изучила его. Дата, место, причина смерти... Я взяла только удостоверение личности вдовы, а маршрутные документы, долговые расписки и свидетельство о смерти сожгла, как и саму шкатулку. Я решила, что после побега Аэлиты ее комнату обыщут и если найдут тайник, то могут выйти на мой след. Рука дрогнула, когда я бросала в огонь письмо. Если честно, я не знала, что с ним делать. Чужая любовь мне не нужна, но и возлюбленного Аэлиты мне жалко. Однако я не она и помочь ему ничем не могла.

Никогда раньше мне не доводилось выдавать себя за другого человека, тем более за умершего. Это казалось чем-то нереальным, чем-то киношным. Но и попадание в другой мир – тоже не рядовая штука. Так что будем грести тем веслом, что досталось.

Свидетельство о смерти надо спрятать подальше, пусть лежит спрятанное в сменном белье, которое я взяла из сундука. А вот удостоверение личности вдовы Верд положить поближе. Уверена, оно мне еще пригодится. Правильно ли я поступаю? На мгновение в душе поселилось сомнение, словно ледяной комок, сдавивший сердце. Но я отбросила его прочь. Нет. Все правильно. Никакого замужества по расчету, никаких бриллиантов и шелков, купленных ценой моей свободы. Я в своем мире-то замуж не вышла, так и не встретив своего мужчину, а здесь и подавно не собираюсь. Я сама себе хозяйка.

Я решила отложить эти сомнения на потом и сосредоточиться на подготовке к побегу.

Первым делом нужно было привести себя в порядок. Я взглянула на свое отражение в зеркале и невольно вздрогнула. Невероятно красивая, но перепуганная и бледная девушка с растрепанными огненно-рыжими волосами и запавшими глазами... Неужели эта красотка это я? Та самая Надежда, которая еще вчера жила обычной серой жизнью? Нужно было срочно что-то менять. Нужно было стереть с лица печать страха и отчаяния и нарисовать маску уверенности и решимости.

Я умылась холодной водой, стараясь прогнать остатки сна и усталости, смыть с лица отпечаток чужой жизни. Расчесала волосы и собрала их в небрежный пучок на затылке, стараясь придать им вид аккуратности. Теперь я выглядела немного лучше, но все еще чувствовала себя чужой.

Затем я принялась за выбор одежды. Из всего многообразия платьев, представленных в сундуке, я выбрала самое простое и скромное платье из темно-зеленого бархата, без кружев и вышивки. Оно не привлекало к себе внимания и позволяло мне слиться с толпой, стать незаметной тенью. Под платье я надела плотные чулки и удобные кожаные сапоги на плоской подошве. Никаких каблуков. В них далеко не убежишь. Только на балах танцевать, а у меня сейчас совсем другие цели.

Когда я была готова, я открыла шкатулку с драгоценностями и начала перебирать украшения. Бриллианты, рубины, изумруды... Холодный блеск камней не трогал моего сердца. Все это выглядело красиво, богато, но совершенно бесполезно в моем положении. Я выбрала несколько небольших золотых браслетов и колец, которые можно было легко продать в любом городе, выручив за них деньги. И, конечно же, я не забыла про кинжалы, спрятав их под юбкой, привязав ремешками к бедрам. Теперь чувствовала себя готовой ко всему. Ощущала себя какой-то амазонкой, сильной и решительной.

Собрав все необходимое, я положила деньги, документы и украшения в небольшой дорожный мешок, который нашла в одном из ящиков. Мешок получился довольно тяжелым, лямка больно врезалась в плечо, но я была готова к трудностям. Главное – вырваться из этого золотого заточения и начать новую жизнь.

Окинув прощальным взглядом комнату, я почувствовала легкий укол сожаления. Все-таки червячки сомнения подтачивали мою уверенность, но я не могла позволить себе раскисать. Впереди меня ждала неизвестность, и я должна быть готова к любым испытаниям. Я должна быть сильной.

Вышла из комнаты и направилась к главной лестнице, стараясь двигаться как можно тише. Каждый скрип половицы отдавался гулким эхом в тишине. В доме царила тишина. Все спали. Только где-то вдалеке слышалось тиканье старинных часов, отсчитывающих последние минуты моей прошлой жизни. Вернее, жизни Аэлиты, в тело которой мне посчастливилось угодить.

Спустившись вниз, я оказалась в просторном холле, освещенном лишь тусклым светом луны, проникающим сквозь огромные витражные окна. Свет играл бликами на полированном паркете, создавая причудливые тени. На стенах висели портреты угрюмых мужчин и женщин в старинных нарядах. Они словно следили за мной, осуждая мой побег, проклиная мою дерзость. Их надменные лица казались живыми в полумраке.

Я прошла через холл и направилась к главному выходу, стараясь не обращать внимания на их пристальные взгляды. Дверь была огромной и тяжелой, окованной железом, словно вход в склеп. Мне с трудом удалось открыть ее, не издав ни звука. Каждый поворот ручки, каждый щелчок замка отдавался звоном в ушах, заставляя сердце замирать от страха.

Оказавшись на улице, я вдохнула свежий ночной воздух полной грудью. Прохладный влажный воздух наполнил мои легкие, словно глоток свободы. В саду было темно и тихо. Только сверчки стрекотали в траве, да совы ухали в лесу, нарушая ночную тишину. Аромат ночных цветов плыл в воздухе, дурманя и успокаивая.

Я направилась к воротам, стараясь не сбиться с дороги, вглядываясь в темноту. Но вдруг, словно из ниоткуда, передо мной возникла фигура в темном плаще. Темная тень, выросшая из ночи. Мое сердце замерло от ужаса, дыхание перехватило, а кровь застыла в жилах. Кто это? Стражник? Или что-то еще хуже?

– Куда это вы собрались, госпожа? – прозвучал зловещий голос из-под капюшона, проникая в самую душу, словно ледяной кинжал.

Мрачный голос, словно удар хлыста в кромешной тишине, обвинил ледяной петлей мой разум. Страх парализовал, ноги будто приросли к утоптанной земле сада, а в горле застрял ком, не давая вздохнуть. "Конец", – глухо отдавалось в голове. План, выстраданный, выношенный, рассыпался в прах, так и не успев воплотиться. Я проиграла.

Тщетно пытаясь сфокусировать взгляд, я всматривалась в зловещую тень, что маячила впереди. Капюшон плаща, словно черная дыра, поглощал последние лунные отблески, скрывая лицо незнакомца. Лишь смутные очертания выдавали человеческую фигуру, но что-то в его осанке, в едва уловимой манере держаться, пробуждало смутное воспоминание. Знакомо... Но кто?

– К-кто вы? – пролепетала я, изо всех сил стараясь придать своему голосу хоть толику уверенности, заглушить предательскую дрожь, которая выдавала мой страх с головой.

Фигура в плаще двигалась медленно, словно хищник, готовящийся к прыжку. Лунный свет, прорвавшись сквозь нависшие кроны деревьев, скользнул по его лицу, развеивая завесу тайны. И я узнала конюха Мишеля. Спасибо воспоминаниям Аэлиты, которые все же частично остались со мной. Невысокий, жилистый, с лицом, изборожденным морщинами, словно картой прожитых лет, и пронзительными серыми глазами, в которых читалась не только сила, но и какая-то внутренняя грусть. Я снова доверилась ощущениям хозяйки этого тела, которому он всегда казался одним из немногих людей в этом проклятом поместье, к кому можно было испытывать хоть малейшую толику доверия. Но что ему нужно от меня посреди ночи? Неужели он еще один винтик в этой сложной, смертельно опасной игре?

– Я сторожу ваш сон, госпожа, – проговорил Мишель, и в его голосе не было ни тени угрозы, ни даже намек на осуждение. Лишь тихая, какая-то почти скорбная печаль, заставившая меня насторожиться еще больше. – Но сон ваш беспокойный. Слишком беспокойный. Вижу, что собираетесь в дорогу. И, похоже, в долгую.

Сердце бешено заколотилось в груди в попытке проломить мне ребра. Но, всматриваясь в глаза Мишеля, я не увидела враждебности, лишь отблеск странного сочувствия, почти жалости, что еще больше сбивало меня с толку.

– Вы... вы не скажете никому? – прошептала я, цепляясь за слабую надежду, как утопающий за соломинку.

Мишель покачал головой, и это движение, такое простое, казалось сейчас спасительным знаком.

– Не скажу, госпожа. Не в моих правилах доносить. И остановить вас не смогу. Да и не стану. Знаю, что ваша жизнь здесь – не жизнь. Птица в золотой клетке все равно тоскует по вольному небу, по ветру свободы, – его слова вызвали улыбку. Конюх-романтик? Интересно. Невольно усмехнулась. Неужели это правда? Неужели в этом прогнившем лицемерном доме нашелся кто-то, кто искренне желает мне добра?

– Но куда вы направитесь одна в ночи? Это безумие, госпожа. Слишком опасно.

– Куда-нибудь подальше отсюда, – выпалила я, надеясь, что мой голос прозвучит достаточно уверенно, убедительно. Я решила, что сообщать конюху, как бы он хорошо ко мне ни относился, свой маршрут и конечную точку назначения совершенно не стоит.

Мишель кивнул, словно услышал именно то, что и ожидал. В его взгляде мелькнуло понимание, словно он знал, через что мне пришлось пройти.

– Чтобы убраться подальше отсюда, нужно скакать на лошади днем и ночью без остановки и отдыха. Одна вы не доберетесь, госпожа. Разбойников на дорогах сейчас больше, чем звезд на небе. И добротой они не отличаются.

Я опустила голову, признавая его правоту. Без чьей-либо помощи я пропаду. Это был не побег, а самоубийство. Но откуда мне ждать этой помощи? Откуда ей взяться в этом чужом мире?

– Не отчаивайтесь, госпожа, – тихо сказал Мишель, словно читая мои мысли как открытую книгу. – Я помогу вам.

И тут же, словно по мановению волшебной палочки, Мишель преобразился. Его движения стали четкими, выверенными, наполненными уверенностью. Он повел меня в конюшню, где в полумраке стояли сонные лошади, фыркающие и переступающие с ноги на ногу. Их запах, теплый и терпкий, немного успокоил меня.

– Берите лучшую, госпожа, – прошептал Мишель, указывая на стройную кобылу масти вороного крыла, чья шерсть лоснилась в тусклом свете. – Это Леди. Она выносливая, быстрая, с сердцем льва. Не подведет.

Он быстро оседлал Леди, ловко подогнал стремяна, проверяя каждую деталь. Затем достал из сундука добротное кожаное седло и прикрепил к нему небольшой, но увесистый мешок с провизией и флягу с водой.

– Здесь еды на несколько дней, – пояснил Мишель, его голос звучал тихо и предупреждающе. – И карта. Она приведет вас к потайной калитке, что отгораживает парк от леса, вот ключ.

Я была удивлена такой отзывчивостью конюха, а еще тому, что он словно бы знал, что я собиралась сбежать. Может, Аэлита с ним договаривалась, но на более поздние сроки, потому он и удивился, увидев меня сейчас сбегающей из поместья? Мое сердце переполнилось благодарностью, такой сильной и внезапной, что я едва не расплакалась. Я не знала, как отблагодарить этого человека, рискующего ради меня своей жизнью.

– Почему вы мне помогаете? – спросила я, не понимая его мотивов, его альтруизма.

Мишель вздохнул, и в этом вздохе слышались усталость и какая-то обреченность.

– Я видел много таких, как вы, госпожа, и немногие решались изменить свою жизнь и быть счастливыми, – грустно ответил старик-конюх.

– Будьте осторожны, госпожа, – прошептал Мишель, помогая мне забраться в седло, его руки были сильными и надежными. – И пусть удача сопутствует вам. Она вам понадобится.

Я кивнула, сдерживая слезы благодарности, готовые хлынуть потоком. Натянула поводья, чувствуя под собой мощное живое тело Леди. Она тоже готова к бегству.

– И помните, – донеслось мне вслед, словно последнее предостережение, – не доверяйте никому.

Эти слова, словно выжженное клеймо, навсегда врезались в мою память, намертво впечатались в сознание.

Я быстро нашла калитку и, открыв ее, попала в лес. Леди послушно ступала по лесной тропе, пробираясь сквозь густую чащу, словно знала дорогу. Лунный свет едва проникал сквозь плотное переплетение ветвей, создавая причудливые пугающие тени, танцующие на земле. Я чувствовала себя маленькой и беззащитной в этом огромном незнакомом мире, полном опасностей и тайн.

Глава 3.

Ночь, густая как черничное варенье, обволакивала мир. Луна, словно робкая девица, пряталась за пологом из кучерявых облаков, позволяя лишь случайным серебристым нитям пробиваться сквозь плотный полог листвы. Я ехала верхом на Леди, прислушиваясь к каждому шороху, стараясь уловить любой звук, кроме собственного дыхания и стука копыт, глухо отдававшегося в ночной тишине. Мое сердце плясало бешеный танец в груди, то замирая от страха, то разгоняясь от адреналина. Побег... это слово резало слух, словно запретная мелодия, и эхом отдавалось в моей голове.

Теперь, оставшись одна и будучи предоставленной самой себе и своим мыслям, я могла оценить и обдумать все, что со мной произошло. Я с помощью какого-то портала в овощных грядках попала в другой мир. Этот мир очень похож на европейское средневековье. И, если честно, оказавшись в нем, я поняла, что ничего романтического в этом времени нет и быть не может. Я за сутки прочувствовала все прелести этого мира и с радостью отправилась бы на овощные грядки, чтобы поискать новый помидорчик, который вернул бы меня домой. И плевать на больную спину и жизненные неурядицы, главное, чтобы я была в своем мире. Потому что в этом мне пока что очень сильно не нравилось.

Еще я вспомнила разговор с женщиной, что произвела на свет Аэлилу и считала себя ее матерью. Почему именно считала? Потому что я уверена, что произвести на свет ребенка мало, надо еще его любить и желать ему счастья, а не пытаться повыгоднее продать, как утку на рынке. Хотя, может, она считала, что, усадив Аэлилу в золотую клетку, совершит самое большое благо для своего дитя. Не знаю. Я считаю иначе. И я не позволю распоряжаться моей жизнью. Я вырвусь из этой золотой клетки, набитой шелками, подарками и предрассудками, и сама построю свою жизнь. Пусть даже в глухой, забытой богом деревушке, затерянной где-то на краю света, под личиной тихой вдовы Верд. Так даже будет лучше. Может, выращу заветный помидор, который вернет меня домой.

Но отчего-то я не верила, что это осуществимо. Скорее это было из разряда фантастики. Хотя я попала в другой мир, что уж тут может быть более фантастическое?

Я крепче сжала поводья в замерзших руках, жалея, что не захватила никаких перчаток и плаща, ощущая, как уверенность и решимость наполняют меня от кончиков пальцев до макушки. Леди словно чувствовала мое состояние, понимала мою тревогу и твердость намерений. Она несла меня вперед, уверенно ступая по узкой, едва различимой тропе. В этой бесшумной погоне за свободой она была моей единственной союзницей, моим верным другом и компаньоном в этом безумном, полном опасностей предприятии.

В воображении уже рисовалась картинка моей новой жизни. Небольшой покосившийся домик с печкой и крохотным окошком, сад, заросший дикими цветами, и огород, где я буду выращивать овощи и травы. Я представляла, как буду плести корзины из лозы, делать заготовки и продавать их на рынке. Жизнь, полная труда, простых радостей и свободы. Конечно, будет нелегко, но это и не предполагалось, откровенно говоря. Мне никогда не было легко, так что неудивительно, что и здесь на моем пути будут трудности.

Мы углублялись в лес, и с каждым шагом становилось все темнее и тише. Лунные лучи почти не проникали сквозь густую крону деревьев, и тьма становилась почти осязаемой. Я чувствовала, как вокруг меня сгущается какая-то странная, почти мистическая атмосфера. Казалось, что лес живет своей собственной жизнью, дышит, шепчет что-то на своем непонятном языке и наблюдает за мной из темноты, оценивая, испытывая. По спине пробегали мурашки, а волосы на затылке предательски вставали дыбом.

Вдруг Леди резко остановилась, вздрогнув всем телом. Ее ноздри раздулись, она настороженно прислушивалась, перебирая копытами и нервно дергая головой. Я нахмурилась, пытаюсь

понять, что ее напугало. Вокруг была звенящая тишина, лишь изредка нарушаемая уханьем совы, доносившимся откуда-то издалека.

– Что случилось, девочка? – прошептала я, наклоняясь к ее уху и глядя по шелковистой гриве. – Все хорошо. Я с тобой.

Леди дернула головой и коротко заржала, глядя в самую чащу леса, словно там что-то было. Я прищурилась, напрягая зрение, пытаюсь разглядеть хоть что-то в этом крошечном мраке. И тут я увидела их.

Светящиеся огоньки. Маленькие мерцающие шары света парили в воздухе, словно рой огромных диких светлячков. Их было много, десятки, сотни, может быть, даже тысячи. Они кружились вокруг деревьев, перелетали с ветки на ветку, играли друг с другом, создавая завораживающее, почти нереальное зрелище. Их свет был теплым и мягким, он не слепил, а скорее успокаивал и убаюкивал.

Я замерла от изумления, забыв обо всем на свете. Что это? Светлячки? Или... духи леса?

Я только вечером слышала легенду о духах этого леса, но, по словам Бетти, в них не было ничего красивого и завораживающего, скорее пугающее и ужасающее. Но эти огоньки были больше похожи на маленьких фей из земных сказок, которые оберегают природу, помогают заблудившимся путникам и наказывают тех, кто не уважает лес. В детстве бабушка рассказывала мне сказки про них, но я никогда не верила. До сегодняшнего дня.

Огоньки начали приближаться ко мне медленно и плавно, окружая нас с Леди со всех сторон. Я почувствовала легкий озноб, несмотря на теплую шерстяную накидку, что накинула на себя. Оказывается, конюх и о таких вещах подумал. Не знаю почему, но я не испугалась. В этих маленьких шарах света не было ничего зловещего, никакой угрозы. Наоборот, они излучали какое-то тепло, спокойствие и доброту, словно приглашали в свой волшебный мир.

Вдруг один из огоньков отделился от остальных, подлетел ко мне и завис прямо перед моим лицом, словно рассматривая меня. Я затаила дыхание и увидела, что внутри шара света находится маленькое человекоподобное существо. У него было крошечное личико с большими добрыми глазами, светящимися мудростью и пониманием. Его волосы были похожи на тончайшие золотые нити, а одежда – на лепестки цветов.

– Не бойся, дитя, – услышала я тихий мелодичный голос в своей голове. Он был похож на звон хрустального колокольчика, на шелест листвы, на журчание лесного ручья. – Мы знаем, кто ты и куда идешь.

Я опешила, не в силах вымолвить ни слова. Они знают? Как такое возможно? Кто они такие?

– Мы духи леса, – продолжал голос. – Мы видим все, что происходит в этом лесу. Мы знаем, с чистым ли сердцем приходят в наш лес.

– И... что вы хотите от меня? – спросила я, стараясь не показывать своего волнения и сохранить спокойствие.

– Мы хотим помочь тебе, – ответил дух. – Твой путь будет нелегким. Тебе придется столкнуться с трудностями и опасностями, с предательством и одиночеством. Но ты справишься, доверяй своему сердцу, оно подскажет тебе, кому можно верить, а кого следует остерегаться.

Я была поражена до глубины души. Неужели это правда? Неужели духи леса действительно хотят помочь мне?

– Почему? – спросила я, чувствуя, как к горлу подступает комок. – Почему вы хотите мне помочь? Что вам от меня нужно?

– Мы видим в тебе доброе сердце и чистые намерения, – ответил дух. – Ты любишь природу и уважаешь лес. Ты хочешь жить в гармонии с миром и приносить пользу другим. Этого достаточно, чтобы мы захотели тебе помочь. Мы редко вмешиваемся в дела людей, но ты особенная. В тебе есть что-то такое, что трогает наши сердца.

– Что я должна сделать? – спросила я, надеясь, что смогу отплатить им за их доброту. – Как я могу заслужить вашу помощь? Что я должна пообещать?

– Просто будь собой, – ответил дух. – Не теряй своей доброты, своей веры в лучшее и своей способности любить.

После этих слов дух отлетел от меня и присоединился к остальным огонькам. Они начали кружиться вокруг нас, образуя светящийся хоровод, словно приветствуя меня в своем мире.

– Мы проводим тебя до границы леса, – услышала я голос духа. – Там тебя будет ждать подарок. Прими его с благодарностью.

И огоньки повели нас за собой. Леди послушно следовала за ними, не проявляя ни малейшего страха. Казалось, что она тоже чувствует доброту и защиту духов леса, доверяет им, как доверяю им я.

Мы ехали по лесу, окруженные светящимся ореолом, словно плыли по ночному небу, усеянному звездами. Это было похоже на сказку, на волшебный сон. Я чувствовала себя принцессой, которую сопровождают верные слуги, оберегая от всех опасностей.

Наконец мы добрались до границы леса. Огоньки остановились и образовали светящийся портал, словно приглашая меня пройти сквозь него в новую жизнь.

– Прощай, дитя, – услышала я голос духа. – Удачи тебе на твоём пути. Пусть твое сердце будет наполнено любовью и надеждой.

И огоньки исчезли, растворившись в ночной тьме, оставив после себя лишь легкий, едва уловимый запах лесных трав и цветов. Я осталась одна на границе леса, лицом к лицу со своим неясным будущим.

Я огляделась, чувствуя легкую грусть от расставания с этими волшебными существами. Рядом со мной у корней старого дуба, покрытого мхом, лежал небольшой мешочек, перевязанный кожаным шнурком. Я подошла к нему, дрожащими руками подняла его и открыла.

Внутри мешочка лежали деньги. Много денег. Золотые, серебряные и даже несколько медных монет. Как мне показалось, этих денег должно хватить на приобретение небольшого домика в деревне, а также смогу запастись едой и прожить несколько месяцев, пока я не смогу начать зарабатывать сама.

Я замерла от изумления, не веря своим глазам. Неужели это и есть подарок духов леса? Неужели они действительно так добры ко мне?

Я подняла мешочек и прижала его к груди, чувствуя, как по щекам катятся слезы благодарности.

– Спасибо вам, – прошептала я, глядя в сторону леса. – Спасибо вам за помощь, за поддержку и за веру в меня. Я никогда не забуду вашей доброты. Я буду жить так, чтобы не опозорить вашу помощь.

Я села на Леди и поехала дальше. Теперь я была уверена, что все у меня получится и я приняла правильное решение, сбежав из дома. С такой поддержкой, как у меня, я смогу преодолеть любые трудности, выстоять перед любыми испытаниями и неприятностями.

На адреналине не заметила, как пролетела ночь. Леди устала, но я боялась погони. Решила сделать небольшой привал и дать передохнуть лошади, спасибо конюху за собранный мешок. Он помог отдохнуть и подкрепиться, не заезжая в ближайший городок. Набравшись сил, решила все же уехать подальше и до вечера, подгоняемая ветром и запахом свободы, мчалась как можно дальше от родового имения. К вечеру силы окончательно покинули меня и мою лошадку, поэтому я была вынуждена свернуть в таверну, которую недавно заметила. Если бы я знала, что там меня ждет, то уж лучше бы проехала мимо.

Глава 4.

В столь поздний час я никак не ожидала, что в таверне будет полно посетителей. Думала, что время позднего ужина уже прошло. Может, они все ехали с ярмарки, а может, название таверны "Приют усталого путника" говорило само за себя, и все уставшие путники сами стекались в это заведение, не знаю.

Дверь таверны открылась с тихим скрипом, впуская меня в прохладную полутьму. Запах внутри был густой и насыщенный: терпкий аромат пенного напитка смешивался с дразнящими ноздри запахами жареного мяса и какой-то неуловимо пряной специи, рождая в желудке предательское урчание.

Я прошла к стойке и обратилась к трактирщику.

– Мне бы перекусить чего-нибудь, любезный, – как звучит уважительное обращение в этом мире, я понятия не имела и решила быть осторожной, используя то, на что никто не должен обидеться.

– Присаживайтесь, – бросил мне трактирщик устало.

Я выбрала свободный стол в самом дальнем углу, подальше от шумных компаний, и ко мне подошел старик, видимо, помощник трактирщика.

– Что прикажете, госпожа? – спросил он, приближаясь. Его лицо, покрытое сетью морщин, говорило об опыте прожитых лет, а еще о долгих годах, проведенных в поле. Да и в таверну, он, наверное, устроился не так давно. Не было в его взгляде того безразличия и пренебрежения, которое я ожидала увидеть у опытного подавальщика. Он устало протер засаленную столешницу грязной тряпкой, оставляя за собой влажный след.

– Миску похлебки, самой простой, и кусок хлеба, пожалуйста. И воды, – ответила я, чувствуя, как пересохшее горло умоляет о влаге.

Не успела я сделать и пары глотков прохладной воды, ощущая, как она живительной влагой наполняет каждую клеточку моего тела, как к моему столу приблизилась компания подвыпивших мужчин. От них несло дешевым пойлом и грубой животной наглостью. Взгляды их были липкими и бесцеремонными, словно ощупывали меня. Я почувствовала, как по спине пробегает неприятный холодок.

– Что это у нас тут за красotka? – прогнусавил один из них, окинув меня оценивающим взглядом. Его глаза, мутные от выпитого, скользили по моей фигуре, заставляя меня невольно поежиться.

Я постаралась не обращать на них внимания, делая вид, что увлечена своим скромным ужином. Внутри меня поднималась волна раздражения, но я старалась держать себя в руках.

– Ты одна здесь, милая? Может, проведешь с нами ночь? Мы щедро отблагодарим, – продолжил он, наклоняясь ко мне и источая запах прокисшего пенного. Его слова прозвучали как грязное предложение, и в моей груди закипела ярость.

Мое терпение было на пределе как натянутая струна.

– Я не продаюсь, – отрезала я, глядя на него с презрением, стараясь вложить в свой голос как можно больше холода и отвращения. – И вообще, оставьте меня в покое.

В их глазах, и без того налитых кровью, вспыхнул гнев. Лица их исказились в гримасе злобы.

– Смотри, какая гордячка. Да ты должна быть счастлива, что мы вообще обратили на тебя внимание, – прорычал один из них, хватая меня за руку. Его хватка была грубой и сильной, пальцы больно впились в мою кожу.

Я попыталась вырваться, ощущая, как страх начинает сковывать меня.

– Отпусти! – закричала я, стараясь освободить руку. Мой голос дрожал, выдавая испуг, который я тщетно пыталась скрыть.

– А не то что? – усмехнулся он, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствовала его горячее дыхание на своем лице. В его глазах читалось неприкрытое намерение.

В этот самый момент, когда я уже была готова к худшему, из дальнего темного угла таверны, где сидел одинокий путник в плаще с глубоко надвинутым капюшоном, раздался тихий, но властный голос, прорезавший шум и гам таверны, словно острый клинок:

– Оставьте девушку в покое.

Мужчины замерли как по команде. Я почувствовала, как рука, державшая меня, ослабла, словно ее поразил паралич. Они переглянулись, и на их лицах, еще секунду назад выражавших злобу и вожделение, отразился явный страх, словно они увидели перед собой самого дьявола.

– Да ладно, не стоит из-за нее мараться, – пробормотал один из них, избегая встречаться со мной взглядом. И вся компания, словно побитые псы, быстро ретировалась, оставив меня в полном недоумении. В груди поселилось странное чувство облегчения, смешанное с благодарностью и любопытством.

Я хотела поблагодарить своего спасителя, но он оставался неподвижным в своем углу. Его лицо по-прежнему скрывала глубокая тень капюшона, и я не могла рассмотреть ни единой черты.

Трактирщик с облегчением вздохнул и вытер пот со лба, еще бы, он только что избежал неприятностей и даже мебель вся оказалась цела.

– Любезный, у вас не окажется комнаты, чтобы отдохнуть с дороги? – я посмотрела на сморщенного старика.

– Комнаты все заняты, – и мужчина выразительно посмотрел на ту самую компанию из подвыпивших мужчин. – Но если леди не брезгует и не боится лошадей, то могу предложить сеновал на конюшне.

– Леди не брезгует и не боится лошадей, – усмехнулась я на свои же слова. Леди сейчас в таком состоянии, что ничем, наверное, уже не брезгует, тем более сеновал не самое плохое место. Я согласилась, чувствуя, что усталость берет верх над осторожностью. Лишь бы только добраться до места, где можно было бы просто вытянуть ноги и уснуть.

– Тогда я приготовлю одеяла, – ответил мужчина. – И принесу еду, – его глаза выражали сочувствие и понимание.

Я быстро поела, стараясь не привлекать к себе внимания той самой компании, которая продолжила напиваться. А когда закончила с едой, то поспешила на конюшню, провожаемая стариком, который нес пару шерстяных одеял.

В конюшне пахло теплым сеном, лошадиным потом и еще чем-то терпким и землистым. В полумраке я поблагодарила старика и сказала, что дальше справлюсь уже сама.

Тело ныло от усталости, а голова гудела от пережитого.

Я не успела еще расстелить принесенные помощником трактирщика одеяла, как дверь тихонько скрипнула, нарушая тишину конюшни. В полумраке я увидела смутный силуэт. Тот самый незнакомец в плаще. Мое сердце забилось быстрее, а по спине пробежали мурашки.

– Я... я хотела поблагодарить вас, – пробормотала я, чувствуя, как легкое смущение окрашивает мои щеки. – За то, что заступились за меня.

Он молчал, не двигаясь с места. Я не видела его лица, но чувствовала на себе его взгляд, проникающий сквозь полумрак. В воздухе повисла напряженная тишина, словно перед грозой. Затем он сделал несколько шагов ко мне, и в следующую секунду его губы коснулись моих.

Это было неожиданно и дерзко. Я отшатнулась, словно меня ударили током, чувствуя, как гнев, уже было утихший, вспыхивает во мне с новой силой. Недолго думая, поддавшись импульсу, я влепила ему звонкую пощечину.

Он отступил, а я замерла, ожидая реакции. Если он захочет, он меня одной левой прихлопнет, а потом смахнет то, что осталось, словно я пыль.

– Простите, – пробормотал он, словно очнувшись. – Я... я неправильно вас понял. Думал, вы хотели меня отблагодарить.

– Хотела, – кивнула я, поежившись. Все же не очень комфортно разговаривать с человеком, лица которого ты толком не видишь. – Но хотела поблагодарить словами.

"А не тем, что ты там себе придумал", – хотела добавить, но не стала. Нечего нарываться еще сильнее, чем я и так влипла.

– Да я же сказал, не так вас понял, – затем он развернулся и вышел из конюшни, оставив меня одну в недоумении и ярости.

Я села, прижав руку к пылающей щеке. Как он мог так подумать? Неужели он решил, что я готова отблагодарить его за защиту таким образом? В груди kloкотали обида и гнев.

Запястье нещадно ныло. Наверное, я ушибла его, когда дала ему пощечину. Нужно было сдерживаться, но как можно было оставаться спокойной после всего этого? Я попыталась рассмотреть руку в полумраке, но ничего не увидела. Решила отложить это до утра.

Но сон не шел. Я ворочалась, чувствуя, как злость, обида и какое-то странное, необъяснимое любопытство переполняют меня. Кто он? Почему он так поступил? Почему его голос заставил тех грубиянов замолчать? И почему у меня так болит запястье? Я забралась между тюками с сеном и, расстелив одеяла, легла. Закрыла глаза, пытаюсь отогнать навязчивые мысли, но образ незнакомца в плаще преследовал меня, смешиваясь с запахом сена и лошадей. В голове крутилась лишь одна мысль: "Кто ты, мой странный спаситель?"

Усталость сковала меня невидимыми цепями, пригвоздив к грубой соломе конюшни, несмотря на бурю переживаний и мрачных мыслей, терзавших мой разум, я провалилась в беспокойный сон, словно в омут, и проспала до самого обеда. Пробуждение же было резким и болезненным – яркий, наглый солнечный свет безжалостно пробивался сквозь щели в ветхих стенах, ослепляя и обжигая. Тело ныло от неудобного ложа, каждый мускул протестовал против вчерашней тряски и пережитого страха. Голова же была тяжелой, словно налита свинцом, и в ней гулко отдавался каждый удар сердца. Но, как ни странно, сон, хоть и тревожный, немного примирил меня с унылой действительностью. Я решила, что нельзя позволять вчерашним событиям тянуть меня на дно. Нужно было двигаться дальше, к своей цели, какой бы туманной и далекой она ни казалась.

Бросив взгляд на левую руку, я поморщилась. Снова рука болела, напоминая о себе. Осмотрев ее, я не обнаружила ничего критичного. Лишь багровый след от грубого захвата пьяного увальня, что бесцеремонно предложил мне разделить с ним ночь. "Само пройдет", – успокоила я себя, хотя где-то в глубине души затаился неприятный холодок. Я сейчас не в том положении, чтобы обращаться к местным коновалам, да и вряд ли они смогут предложить что-то лучше, чем припарки из подорожника.

В таверне было на удивление тихо и спокойно – гораздо меньше народу, чем вчера. К счастью, подвыпившая компания, отравившая мне вечер, бесследно исчезла. Я с облегчением выдохнула и заказала себе плотный обед, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Трактирщик, словно избегая зрительного контакта, молча поставил передо мной дымящуюся миску с густой овсяной кашей и щедрый ломоть свежего, еще теплого хлеба. Старик-помощник тоже не проронил ни слова, лишь скользнул по мне быстрым оценивающим взглядом. Покончив с едой, я расплатилась и поспешила покинуть это негостеприимное место, чувствуя себя здесь чужой и нежеланной.

Моя верная Леди радостно заржала, увидев меня, и я, ощутив слабый укол вины за то, что оставила ее на столь долгое время без присмотра, направилась прочь от таверны, поблагодарив молчаливого старика, который ловко оседлал мне кобылу. На душе было немного тревожно, словно предчувствие беды, но я упорно старалась гнать прочь мрачные мысли. Впереди меня ждала неизвестность, полная опасностей и неожиданностей, и я должна была быть готова ко всему. Проехав всего несколько километров, я почувствовала, как ноет запястье, словно напо-

миная о вчерашнем происшествии. Остановившись у прохладного ручья, весело журчащего среди камней, я смочила обожженную болью руку холодной водой и внимательно осмотрела ее. На месте, где грубиян схватил меня, синяк стал еще темнее. " Надеюсь, он мне ее не сломал", – подумала я, стараясь не поддаваться панике, и продолжила свой путь, натянув поводья.

Не успела я отъехать далеко, как услышала позади себя топот копыт. Сердце тревожно екнуло. Обернувшись, я увидела, что меня догоняет всадник. Кровь застыла в жилах от нехорошего предчувствия. Это был тот самый незнакомец в темном плаще, чей образ никак не желал покидать мою память. Он подъехал ко мне и остановился, сохраняя дистанцию и не говоря ни слова. Его лицо по-прежнему скрывала непроницаемая тень капюшона, но я кожей чувствовала на себе его пристальный прожигающий взгляд. Меня охватила необъяснимая тревога, смешанная с робким любопытством.

– Простите меня за вчерашнее, – эхом разнесся по лесной тишине его приглушенный голос. – Я был неправ, и мне стыдно за свое поведение. Позвольте загладить свою вину. Я провожу вас до ближайшего города. Там вы сможете найти себе надежных попутчиков и не бояться больше ничьих приставаний. В одиночку по дорогам сейчас ездить опасно, особенно для такой юной особы, как вы.

– Хорошо, – осторожно ответила я, пристально косясь на таинственного незнакомца, который упорно старался скрыть свое лицо от посторонних глаз. Мне было до неприличия любопытно, кто же скрывается под этим набившим оскомину капюшоном. Но не могу же я просто попросить его откинуть его, чтобы удовлетворить свое праздное любопытство? Может быть, у него лицо изуродовано шрамами или ожогами, поэтому он и прячет его в тени, и с моей стороны будет верхом бестактности проявлять к этому повышенный интерес. – Но кто вы? Почему вы решили мне помочь?

– Просто ваш случайный попутчик, – было слышно, как мужчина тихо хмыкнул, словно моя настороженность показалась ему забавной. – Уверю вас, я не причиню вам никакого вреда, – такая простая фраза, произнесенная так уверенно и искренне, должна была успокоить меня, но во внутреннего умиротворения не было. Воспоминания предательски подкинули в сознание вчерашний дерзкий поцелуй, от которого по коже пробежали мурашки, и ту волну странных противоречивых эмоций, которые он во мне тогда всколыхнул. Я не знала, чего ждать от этого загадочного человека, и это пугало меня больше всего.

Я продолжала буравить его взглядом, отчаянно пытаюсь выжечь хоть искру правды на этой безупречной, словно выточенной из камня маске. "Случайный попутчик", значит? Слова повисли в воздухе, как сорвавшийся с иссохшей ветки лист. Хрупкие, ненадежные, словно мираж в пустыне. Но, признаться, других вариантов у меня просто не было. Отказываться от помощи сейчас – верх несусветной глупости. Особенно когда в ушибленном запястье пульсировала невыносимая боль, а где-то глубоко под ложечкой скреблась ледяная лапа необъяснимой тревоги. До города добраться с проводником, пусть и таким загадочным, казалось единственным разумным выбором.

– Хорошо, – повторила я, стараясь вложить в голос ту уверенность, которой отчаянно не хватало внутри. – Тогда поедem вместе. Но... – я запнулась, собирая осколки храбрости в кулак, – никаких "неправильно понятых благодарностей", ладно? – колкость сорвалась с языка быстрее, чем я успела ее одернуть. Досадливое тепло залило щеки, и я тут же пожалела о сказанном. Злить человека, от которого исходила едва сдерживаемая мощь, было не просто неразумно, самоубийственно.

К щекам предательски прилила краска, выдавая с головой смущение и волнение. Незнакомец лишь тихо усмехнулся, и этот звук, тихий и мягкий, словно шелест опавшей листвы под ногами, почему-то заставил сердце болезненно сжаться. Словно от удара. Вот же наваждение. Стоило хоть немного расслабиться, поверить в ложную безопасность, как воспоминания о том мимолетном обжигающем прикосновении его губ огненной волной прокатывались по

телу. Нужно было собраться, держать себя в руках, сохранять дистанцию. Не поддаваться на его провокации, какими бы они ни были.

Мы тронулись в путь. Молчание давило, словно тяжелый саван, прерываемое лишь монотонным шелестом леса, скрипом кожаной сбруи и глухим топотом копыт, размеренно отсчитывающих километры. Незнакомец словно нарочно держался на почтительном расстоянии, всем своим видом давая понять, что не собирается нарушать мое личное пространство. Я украдкой поглядывала на него, пытаясь уловить хоть что-то в непроницаемой тени, которую отбрасывал глубокий капюшон. Но лицо оставалось скрытым, словно тщательно оберегаемый секрет. Лишь иногда проблескивала бледная полоска кожи на волевом подбородке. Он казался погруженным в собственные мысли, отрешенным от окружающего мира, словно его душа блуждала в далеких и недоступных краях. Миллионы вопросов терзали меня, крутились на языке, но я сдерживала себя, стиснув зубы до боли. Не стоит совать нос не в свое дело, особенно зная, что в ответ может последовать лишь ледяное молчание и некоторое отчуждение.

И все же, несмотря на всю мою осторожность, на все недоверие, что-то в этом незнакомце манило меня, словно мотылька на огонь. Может быть, эта нечеловеческая сила, которую я ощутила еще в трактире, когда он одним лишь голосом усмирил пьяную ярость разбушевавшихся посетителей? Или таинственность, окутывающая его непроницаемой темной дымкой, не позволяющей заглянуть в глубины его души? А может, простое извечное женское любопытство, подогреваемое ощущением запретности, опасности, таящейся в каждом его движении? Не знаю. Но ехать рядом с ним было... странно успокаивающе. Зная, что рядом есть кто-то сильный, кто сможет защитить меня от опасностей, подстерегающих на этой проклятой дороге.

Без приключений, не обменявшись ни единым словом, мы добрались до города, когда вечерние тени начали сгущаться. Живот сводило от голода, и я чувствовала себя некомфортно, но было неловко жаловаться или просить об остановке, поэтому, когда мы, наконец, добрались до таверны, я была готова съесть целого слона и попросить добавки. Незнакомец, не говоря ни слова, проводил меня к дальнему укромному столику в углу, а сам с каким-то странным, неуловимым выражением на лице направился к трактирщику. О чем-то недолго, но оживленно переговорив с ним, он бросил на меня долгий изучающий взгляд, словно пытался прочесть мои мысли, и вышел из таверны, растворившись в сгущающейся тьме. Сперва я подумала, что он пошел позаботиться о лошадях, дать им отдохнуть после долгой дороги, но время шло, а он все не возвращался. Когда же ко мне, тяжело ступая, подошел трактирщик с подносом, на котором аппетитно дымилась еда, мое терпение окончательно лопнуло.

– О чем вы говорили с моим... – помимо воли промелькнула мысль, что я даже имени его не знаю. – спутником? – выдавила я, стараясь скрыть волнение в голосе.

– Он заказал вам ужин, милая леди, – ответил трактирщик, ставя передо мной дымящуюся миску с наваристой мясной похлебкой. Желудок издал утробное урчание, словно зверь, пробудившийся от долгой спячки, стоило мне только вдохнуть этот восхитительный аромат. – И, к слову, снял для вас комнату, – добавил мужчина как бы невзначай, словно делился незначительной новостью.

– Спасибо, – пробормотала я, чувствуя стыд и вину за то, что не могу поблагодарить его лично. С жадностью схватила деревянную ложку, готовая наброситься на еду, как дикий зверь.

– А он не сказал, когда вернется? – робко спросила я, заметив, что еду трактирщик поставил только для меня одной, и сердце быстро забилося в груди, предчувствуя недоброе.

– Он... Он сказал, что не вернется, – трактирщик удивленно вскинул густые косматые брови, словно не понимал этого вопроса. Его слова оглушили меня, словно удар грома среди ясного неба. Он ушел? Просто так? Бросил меня здесь, в этом чужом и незнакомом городе, не сказав ни слова?

Позориться расспросами я больше не решилась. Его поведение казалось мне диковинным ребусом, однако выносить сор из избы и обсуждать своего спутника с трактирщиком было ниже

моего достоинства. Я поужинала в уединении, и вскоре дочь трактирщика проводила меня в комнату, которую предусмотрительно снял мой спутник. За эту заботу ему, безусловно, стоило сказать спасибо, однако он даже не попрощался... это задевало.

Вскоре девушка принесла большую лохань, и вместе с молчаливым работником они довольно быстро наполнили её горячей водой. Оказывается, он позаботился и о ванной. Я благодарно улыбнулась девушке и работнику и, дождавшись, когда они покинут комнату, плотно заперла за ними дверь. Скинув с себя вместе с одеждой дорожную пыль и усталость, я блаженно погрузилась в обжигающую воду, чувствуя, как тепло растекается по измученному телу, унося прочь напряжение. Но мысли в голове не унимались, роились, словно потревоженный улей. Куда он ушел? Что послужило причиной его спешного отъезда? Неужели я сказала или сделала что-то не так? Или я просто наскучила ему, как надоедает случайный попутчик в долгой дороге? Обида жгла изнутри, смешиваясь с горьким разочарованием. Я чувствовала себя бездомным котенком, которого приютили на время, а затем вновь бросили на произвол судьбы.

После водных процедур я завернулась в большую льняную простыню, заботливо приготовленную для этих целей, и, быстро высушившись, достала из сумки комплект сменного белья, мысленно хваля себя за предусмотрительность и мою догадливость, что взяла с собой одежду, когда сбегала. Свежее платье вернуло мне ощущение себя, и я даже с некоторым любопытством огляделась вокруг.

Комната оказалась простой и скромной: кровать, стол, стул, небольшой шкаф. Ничего примечательного. Но всё было чисто и уютно, и это уже немало значило. Несмотря на то что мужчина оставил меня, он не желал покидать мои мысли. Кем он себя возомнил, чтобы вот так молча бросить меня, словно я какая-то безделушка, которую можно оставить без объяснений? И вроде бы я чувствовала благодарность за проявленную заботу, но в то же время внутри поселился неприятный осадок.

Я подошла к окну и выглянула на улицу. Городок жил своей обычной ночной жизнью: по мощеным улочкам сновали редкие прохожие, доносились приглушенные голоса и обрывки смеха. А его нигде не было видно. Словно растворился в ночи, исчез без следа. Я тяжело вздохнула и отошла от окна. Пора спать. Утро вечера мудренее, как говорится. А завтра нужно будет решать, что делать дальше и куда двигаться.

Я решила в этом городке продать все те украшения, что захватила с собой. Я опасалась, если по моим следам пустится погоня, то они могут выйти на украшения. И лучше это будет недалеко от поместья, так как дальше я могла ехать куда угодно. Этот городок был своего рода транспортной развязкой для путешественников. Отсюда я могла примкнуть к любому каравану или сесть на почтовый или грузовой экипаж, а могла уехать в гордом одиночестве. Я так и планировала сделать, так как опасалась, что меня смогут выследить мои преследователи.

Забравшись под теплое шерстяное одеяло, я долго ворочалась, не в силах уснуть. В голове вновь и вновь вспыхивали обрывки воспоминаний о совместном путешествии, ощущение его силы и уверенности рядом. Почему он так внезапно исчез? Может быть, его ждали какие-то неотложные дела? Или он просто не захотел обременять себя дальнейшей компанией случайной попутчицы? В конце концов, какое ему дело до меня?

Наконец, измученная переживаниями, я провалилась в беспокойный сон. Но даже в полусабытии я не могла отделаться от навязчивого ощущения, что за мной кто-то наблюдает. Будто его взгляд, такой пронзительный и изучающий, преследовал меня даже в царстве Морфея. И эта мысль не давала мне покоя, заставляя вздрагивать и метаться во сне.

Глава 5.

Солнце, едва коснувшись горизонта, расплескало по небу нежные акварельные краски: персиковые, розовые, лавандовые. Завораживающее зрелище, которое я, к сожалению, не могла наблюдать в полной мере из-за запыленного окна постоянного двора. Тишина царила в моей комнате, нарушаемая лишь тихим храпом соседа за стеной, звучащим почти как кошачье мурлыканье. Я осторожно поднялась, стараясь не потревожить скрипучие половицы, от которых у меня уже дергался глаз. Умывшись ледяной водой из кувшина, ощущая, как она обжигает кожу и прогоняет остатки сна, натянула свое неприметное серое дорожное платье, хотелось как можно меньше привлекать внимания, и так мои волосы притягивают взгляды. Сегодня предстояло важное дело, от которого зависело мое дальнейшее выживание, – продажа украшений. Последнего напоминания о прошлой жизни Аэлиты.

Улица еще спала, укрытая утренней прохладой и полумраком. Редкие фонари, которые, видимо, забыл погасить фонарщик, бросали на мощеную дорогу тусклые дрожащие блики, похожие на призраков. Леди, моя верная лошадь, спокойно дожидалась меня у коновязи. Ее теплое дыхание поднималось в воздух легким облачком пара. Я погладила ее по мягкой морде, чувствуя под ладонью шелковистую шерсть, и прошептала:

– Все будет хорошо, девочка. Скоро мы доберемся до места назначения. Убедившись, что все в порядке, я повела ее в сторону центральной площади, где, по словам трактирщика, располагалась лавка ювелира, человека, которому предстояло вынести приговор моим последним сокровищам.

Сделка прошла на удивление быстро и без лишних вопросов. Ювелир, сухощавый старик с цепким взглядом, оказался немногословным и деловым. Его пальцы, покрытые сетью морщин, ловко перебирали драгоценности, взвешивая их на руке, словно чувствовали их истинную ценность. Предложенная им цена, хотя и далека от истинной стоимости, была вполне приемлемой, и я, не торгуясь, согласилась. Мне нужны были деньги, и нужны были срочно. К тому же торговаться в моем положении было крайне опасно.

Выйдя из лавки с ощущением облегчения и легкой горечи, я почувствовала тяжесть кошелька, прижатого к груди. Но удача ждала меня не в звонких монетах. Едва ступив на мостовую, я заметила плачущего мальчика лет пяти. Он стоял, растерянно оглядываясь вокруг, его маленькое личико было искажено отчаянием, а слезы ручьями текли по щекам, оставляя грязные разводы. Сердце мое сжалось от жалости.

– Ты потерялся? – спросила я, присаживаясь перед ним на корточки. Стараясь говорить как можно мягче, чтобы не напугать его еще больше.

Мальчик кивнул, шмыгая носом и вытирая слезы кулачком.

– Мама... Мама где? – его голос дрожал от страха и беспомощности.

Не раздумывая ни секунды, я взяла его за руку, чувствуя, как его маленькие пальчики судорожно сжимают мои. И повела вдоль улицы, расспрашивая о том, как выглядит его мама, в каком направлении они шли. Он говорил сбивчиво, путая слова, но я не перебивала, давая мальчику возможность выговориться и немного успокоиться. Вдруг в какой-то момент он замолчал, и мы услышали тревожный женский голос, зовущий: "Томми! Томми, где ты?"

Мальчик вырвался из моей руки и словно стрела полетел на звук. Женщина, одетая в простую грубую крестьянскую одежду, с облегчением подхватила его на руки, осыпая поцелуями его заплаканное личико. Рядом стоял мужчина, тоже одетый по-простому, его лицо светилось неподдельной благодарностью.

– Спасибо вам огромное, милая леди! Мы уже совсем отчаялись его найти, – сказала женщина, вытирая слезы с лица платком. – Как мы можем вас отблагодарить? – ее голос дрожал от пережитого страха.

– Ничего не нужно, – ответила я, искренне улыбаясь. – Просто присмотрите за ним хорошенько, – я помнила, что такое быть незащищенным и потерянным.

– Но позвольте же нам хоть что-то сделать. Мы как раз собираемся ехать в сторону... – мужчина запнулся, посмотрев на жену, словно ища поддержки в ее глазах.

– В сторону Гринвуда, – закончила женщина, ободряюще кивнув мужу. – Мы едем туда на ярмарку. Если вам тоже туда, то садитесь с нами в телегу. Нам будет гораздо веселее, хоть какая-то плата за вашу помощь.

На мгновение я заколебалась. Гринвуд был именно тем городом, куда я направлялась. Случайные попутчики, да еще и с повозкой... Это было слишком удачное, почти невероятное стечение обстоятельств, чтобы отказываться. Они станут идеальным прикрытием, позволят мне затеряться в толпе и избежать лишнего внимания к моей персоне.

– Что ж, – сказала я, лучезарно улыбаясь, чувствуя, как в груди разливается тепло благодарности. – Если вам не трудно, я с удовольствием присоединюсь к вам.

– Вот и замечательно! Меня зовут Марта, а это мой муж Джон, – представилась женщина, протягивая мне свою загрубевшую от работы руку. – А вас как зовут?

– Аэлита... Верд, – запнулась я, ощущая, как предательский румянец заливал мои щеки. Врать я не умела никогда. – Я... вдова. Еду в Гринвуд в поисках работы. Мой муж... он погиб, а я осталась одна без средств к существованию, – голос мой дрогнул, и я надеялась, что они не заметят мою неловкость.

Уже к обеду я сидела рядом с Мартой в простой крестьянской телеге, груженной тюками и корзинами с товаром, подпрыгивая на ухабах проселочной дороги. Солнце палило нещадно, но свежий ветер приятно обдувал лицо. Леди, привязанная к телеге, послушно следовала за нами, ее копыта мягко шуршали по пыльной дороге. Томми, совершенно позабыв о своем утреннем приключении, весело болтал со мной, тыкая пальцем в проплывающие мимо пейзажи и задавая бесконечные вопросы. Впервые за долгое время я почувствовала себя в безопасности в окружении этих простых и добрых людей. И даже позволила себе немного расслабиться, слушая нехитрые истории Марты о деревенской жизни, о посевах, о скотине, о предстоящей ярмарке, где они надеялись выгодно продать свой урожай. Я ощутила себя не беглянкой, а просто попутчицей, едущей в компании хороших людей. И эта мысль согревала меня, как лучи полуденного солнца. Я даже на время забыла про своего недавнего попутчика.

Тряска в телеге, казалось, хотела поменять местами все мои внутренности. Каждое углубление на ухабистой дороге отдавалось болью в спине и заставляло стискивать зубы. Но сквозь эту физическую муку пробивался свежий, чуть терпкий запах полей. И вид бескрайних просторов, уходящих за горизонт, действовал на душу умиротворяюще. Я сидела рядом с Мартой, укутанная в ее старенький, потертый, но безукоризненно чистый платок. Ткань пахла луговыми травами и чем-то неуловимо домашним, тем, что я давно забыла. Этот платок стал моей маской, моим щитом в этом новом мире. Джон, молчаливый и сосредоточенный, правил лошадью, его сильные руки уверенно держали вожжи. А Томми, этот неугомонный воробей, как его прозвала Марта, беспрестанно перескакивал с места на место, пытаясь привлечь мое внимание звонким щебетанием детских историй. Леди, привязанная к телеге, лениво пощипывала траву вдоль дороги, когда удавалось это сделать. Ее мерное жевание и плавные движения, казалось, задавали ритм нашему неспешному путешествию.

– Так вот, Аэлита, – начала Марта, поправляя платок на своей голове, словно устанавливая невидимую защиту от солнечного зноя, – Гринвуд – городок небольшой, но славный. Знаешь, такой, где каждый камень помнит твою историю. Люди там живут простые, работающие. Все друг друга знают, как одна большая семья. Конечно, как и везде, есть свои чудачки, есть и завистники, ну а как без них? Но в целом народ хороший. Помогают друг другу, в беде не бросят. Это у нас в крови, наверное, чувствовать чужую боль, как свою собственную.

Она говорила с такой теплотой в голосе, с такой искренней верой в доброту, что я невольно улыбнулась, чувствуя, как лед, сковавший мое сердце, начинает медленно таять. Мне так не хватало этого простого человеческого тепла, этой неприкрытой человечности.

– Ярмарка у нас каждый год проходит, – продолжала Марта, ее глаза заблестели предвкушением. – Со всей округи съезжаются. Торговцы всякие, ремесленники, крестьяне, как мы. Можно и товар продать, и на людей посмотреть, и себя показать. Веселье, музыка, танцы... Томми вот больше всего любит карусель. Говорит, в этом году обязательно прокатится. А если повезет, то и два раза.

Томми, услышав свое имя, радостно подпрыгнул, его глаза засветились ярче летнего солнца, и попытался забраться ко мне на колени. Марта ловко подхватила его, усаживая обратно на место, и пригрозила пальцем.

– Спокойно, Томми. А то выпадешь еще, – строго сказала она, но в голосе ее слышалась лишь нежность, смешанная с материнской заботой. – Сначала нужно помочь с урожаем, а потом уже о каруселях думать.

– В Гринвуде у нас храм есть, красивый очень, – снова заговорила Марта, глядя куда-то вдаль, словно видела ее прямо сейчас. – Старый, каменный. Говорят, еще до великих войн ее построили. Намоленное место, знаешь? Жрец мудрый всем заправляет. Всегда поможет, выслушает, совет даст. А по воскресеньям он такие проповеди говорит, что аж до слез пробивает. Всегда чувствуешь себя лучше после его слов, как будто груз с души сваливается.

Я промолчала, опустив взгляд на свои руки, сжимающие край платка. Эти слова Марты затронули что-то глубоко внутри меня, что-то давно забытое, почти стершееся из памяти. Слабое эхо светлой надежды.

– А еще у нас речка есть, Змеевка называется, – продолжала Марта, в ее голосе звучала ностальгия. – В ней рыба водится, раки. Летом мы с Томми часто ходим туда купаться, загорать. Правда, в этом году река обмелела, дождей мало было. Надеемся, осень будет дождливой, а то совсем плохо будет с урожаем. Все поля пересохли, трава пожухла, как будто жизнь из земли ушла.

Она замолчала, погрузившись в свои мысли, ее взгляд потух, словно солнце скрылось за облаками. Я чувствовала ее беспокойство за урожай, за будущее своей семьи, за благополучие всего городка. Это была тяжелая жизнь, крестьянская жизнь, полная забот и лишений, но в ней была своя непоколебимая красота, своя простая и понятная гармония.

– Жизнь у нас простая, Аэлита, – снова заговорила Марта, ее голос снова обрел твердость, – но своя. Земля кормит, солнце греет, дети растут. Что еще нужно для счастья? Конечно, бывает трудно. Конечно, бывают неудачи. Кто от них застрахован? Но мы не унываем. Работаем, стараемся, верим в лучшее. Пока есть надежда, есть и жизнь.

– А что вы выращиваете? – спросила я, стараясь поддержать разговор, отвлечь ее от грустных мыслей. Мне нужно было узнать больше об этой жизни, в которую я пыталась влиться.

– Да всего понемногу, – ответила Марта, ее глаза снова засветились. – Пшеницу, рожь, ячмень. Овощи всякие: капусту, морковь, свеклу. Фрукты у нас в саду растут: яблоки, груши, сливы. Куры несутся, корова молоко дает. С голоду не помрем, это точно. Главное – руки не опускать.

Она засмеялась заразительно и искренне, и я невольно улыбнулась вместе с ней, чувствуя, как напряжение медленно покидает меня. Ее оптимизм был словно глоток свежего воздуха в этом затхлом мире, в который я неожиданно попала.

– А какие нравы в Гринвуде? – спросила я, стараясь собрать как можно больше информации о месте, куда я направлялась. Мне нужно было знать, чего ожидать, как себя вести, чтобы не вызвать подозрений.

– Нравы... Ну, как я уже говорила, люди простые, – ответила Марта. – Честность, порядочность, трудолюбие – это у нас в почете. Воровство, пьянство, разврат – это не приветству-

ется. Все друг за другом следят, все друг друга воспитывают. Иногда, конечно, бывает слишком навязчиво, как будто все знают о тебе больше, чем ты сам, но в целом это хорошо. Не дают людям совсем опуститься, не дают забыть, что такое хорошо и что такое плохо.

– А как относятся к приезжим? – спросила я, стараясь скрыть свое волнение. Это был самый важный вопрос, от ответа на который зависела моя дальнейшая судьба.

Марта на мгновение задумалась, ее взгляд стал серьезным и оценивающим.

– К приезжим... По-разному бывает, – ответила она. – Если человек хороший, если работает честно, если уважает наши традиции, то его принимают как своего, как родного. А если человек хитрый, ленивый, если пытается нас обмануть, то его быстро вычисляют и выгоняют вон. У нас народ хоть и простой, но не дурак. Видят людей насквозь.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Мне нужно было быть предельно осторожной. Нельзя было выдавать себя ни единым словом, ни единым жестом. Нужно было притвориться обычной вдовой, ищущей работу, и сыграть эту роль до конца.

– В общем, Аэлита, – сказала Марта, улыбаясь и похлопывая меня по руке, – не бойся, не пропадешь. У нас в Гринвуде всегда найдется место для хорошего человека. Главное – не ленись и не делай зла. А остальное приложится.

Я кивнула, стараясь запомнить каждое ее слово, каждый нюанс ее рассказа. Мне нужно было выжить в этом новом мире, и единственный способ сделать это – стать его частью.

Три дня. Три дня тряски в телеге, от которой болело все тело, каждый сустав, каждая косточка. Три дня однообразного пейзажа, в котором лишь оттенки зеленого и золотого сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Три дня постоянного страха, липкого и холодного, обвившегося вокруг моего сердца. Он давил, душил, заставлял вздрагивать от каждого шороха. И вот, наконец, впереди замаячили первые признаки цивилизации. Сначала тонкие нити дыма, поднимающиеся к небу, потом крыши домов, словно пробивающиеся сквозь землю грибы, и, наконец, острые шпили каменных зданий, вонзающиеся в небесную синеву. Гринвуд. Мое пристанище. Моя надежда на новую жизнь.

Но до этих спасительных стен еще нужно было добраться. Узкая дорога, пролежавшая сквозь лес, словно темный туннель, внезапно оказалась перегорожена. Двое стражников в помятых кожаных доспехах стояли, словно каменные изваяния, их копья сверкали в лучах, словно вспышки молний. Солнце слепило глаза, и я невольно втянула голову в плечи, пытаясь спрятаться за широкой спиной Марты, потуже завязывая шаль на голове.

Сердце бешено колотилось, отбивая панический ритм. Казалось, оно сейчас вырвется из груди и выдаст меня с головой.

– Куда путь держите? – прозвучал грубый голос одного из стражников. Он окинул нас подозрительным взглядом, и его глаза, словно хищные птицы, впились в меня. Я почувствовала, как кровь отлила от лица, оставив после себя лишь ледяную пустоту.

– На ярмарку, добрый день, – ответил Джон. В его голосе звучала спокойная уверенность, но я чувствовала, как он напрягся, как сжались его плечи. – Семья у меня. Товар везем. Со всем добром на ярмарку собрались. Хотим себя показать, да и на других посмотреть, – за эти дни я уже изучила Джона достаточно хорошо, чтобы понимать по его реакции, что он врёт. Я то уж точно никакого отношения не имела к его семье.

Стражник проигнорировал его слова. Его взгляд по-прежнему был прикован ко мне.

– Ищем мы одну беглянку, – процедил он, словно выплевывая каждое слово. – Молодая девица. Рыжая, как осенний лист.

Все во мне сжалось в один тугой узел. "Рыжая, как осенний лист..." Это было мое описание. Мой приговор. Мое проклятие. Рыжие волосы – вот мой самый страшный враг.

Марта и Джон обменялись взглядами. Я видела, как в глазах Марты мелькнула тревога, как Джон на мгновение стиснул зубы. Но они оба сохраняли невозмутимость, словно актеры на сцене. Они знали, что от их слов сейчас зависит моя жизнь.

– Рыжих мы не встречали, – твердо заявил Джон, глядя стражнику прямо в глаза. В его голосе звучала сталь, но в глубине его глаз я видела искру страха. – Дорога дальняя. Много путников повидали. Но рыжих среди них не было. Да и не до беглянок нам. У нас своих забот полным-полно.

Стражник продолжал буравить нас взглядом, словно пытаюсь прочесть наши мысли. Я затаила дыхание, боясь даже моргнуть. Мое сердце колотилось так сильно, что казалось, его стук слышен даже стражникам. Я боялась, что они услышат мой страх, почувствуют мою ложь. А еще я боялась, что они просто проверят цвет моих волос, и тогда обман сразу вскроется.

– Ладно, – наконец, после мучительно долгой паузы произнес стражник. Он махнул рукой, будто не было желания связываться с нами. – Проезжайте. Но если увидите рыжую девицу, сразу сообщите. Награда будет.

Джон кивнул, дернул вожжи, и телега медленно тронулась с места. Я не поднимала глаз, пока мы не отъехали достаточно далеко. Лишь когда лес снова сомкнулся вокруг нас, я осмелилась взглянуть на Джона и Марту.

Джон обернулся и посмотрел на меня, и я увидела в его взгляде какой-то лукавый блеск. Марта лишь по-доброму, по-матерински улыбнулась. Они знали, кто я. Они понимали, что я скрываю. И все равно рисковали ради меня. Они платили мне той же монетой, которой я заплатила им, когда привела к ним Томми. Тогда я не задумывалась о последствиях. Я просто хотела помочь. А сейчас, когда помощь нужна была мне, они отплатили тем же.

– Я... – начала я, чувствуя, как ком подступает к горлу. Слова благодарности казались слишком пустыми, слишком незначительными, чтобы выразить все, что я чувствовала. – Я не знаю, как вас отблагодарить...

– Не говори глупостей, Аэлита, – прервала меня Марта, кладя свою теплую руку на мою. Ее прикосновение было теплым и успокаивающим, как прикосновение матери. – Мы не соврали. Мы действительно не встречали никаких беглянок. И не бери в голову. Мы видим, что ты хорошая. Не поверим, что ты могла сделать что-то дурное.

Ее слова тронули меня до глубины души. Я не заслуживала такой доброты, такой веры.

– Спасибо, – прошептала я, чувствуя, как слезы подступают к глазам. – Спасибо вам обоим.

Марта лишь улыбнулась в ответ и отвернулась, глядя на приближающиеся городские ворота. На ее лице играла легкая загадочная улыбка.

Через несколько минут мы въезжали в Гринвуд. Городской шум обрушился на нас словно шквал. Крики торговцев, предлагающих свой товар, ржание лошадей, лай собак, звон молотков в кузнице – все это смешалось в оглушительную какофонию. Я завороченно смотрела по сторонам, стараясь впитать в себя каждую деталь этого нового мира.

Гринвуд был полон жизни, бурлящей и неукротимой. Узкие улочки, переполненные людьми, лавки, ломящиеся от всевозможных товаров, яркие вывески, зазывающие покупателей, – все это казалось мне невероятно красочным и живым, словно яркий сон. Здесь пахло свежим хлебом, специями и кожей. Здесь чувствовалась свобода.

Глава 6.

Вот и пришло время прощаться. Мое сердце – это клубок противоречий, где благодарность переплелась с щемящей грустью, а надежда – с легкой тревогой. Я смотрю на Марту и Джона. Их лица – карта времени, исчерченная морщинами заботы и доброты. Их руки натруженные, сильные, а кожа пахнет землей и солнцем. Они так быстро стали мне такими родными, словно я обрела семью в этом чуждом мне мире.

– Я не знаю, как вас благодарить, – говорю я, и голос предательски дрожит, выдавая бурю чувств, бушующую внутри. В горле стоит комок, слова кажутся слишком мелкими, чтобы выразить всю глубину моей признательности. – Вы сделали для меня так много... больше, чем кто-либо когда-либо делал.

Марта обнимает меня крепко, по-матерински.

– Глупости, девочка, – ворчит она беззлобно, но в голосе слышатся тепло и ласка. – Не за что благодарить. Просто поступай по совести, будь честна с собой и добра к другим. Это лучшая благодарность, которую ты можешь нам преподнести.

Джон молча кладет свою большую мозолистую руку мне на плечо. Его взгляд, глубокий и мудрый, говорит больше, чем любые слова. Я чувствую их симпатию и поддержку, их нерушимую веру в меня, несмотря на то что они совсем не знают моего прошлого. Но пришло время двигаться дальше, пустить корни на этой земле. Оставаться с ними и чувствовать себя должницей я не могла. Они и так сделали для меня больше, чем я могла бы их просить.

Мне нужен свой угол, свое собственное пространство, где я смогу расправить крылья и по-настоящему начать жить. Без оглядки, без страха.

– Я хочу... я мечтаю о своем доме, – говорю я, стараясь, чтобы в голосе звучала уверенность, хотя внутри все трепещет от волнения. В животе поселились ледяные мурашки. – Не зависеть ни от кого, самой решать свою судьбу, самой строить свою жизнь.

Они переглядываются, и в их глазах я вижу понимание и, кажется, даже гордость за меня.

– Ты сильная. У тебя в сердце горит огонь. Ты справишься со всем, что тебе уготовано. Только не сдавайся.

Я собираю свои нехитрые пожитки, сажусь на свою Леди и прощаюсь с добрым семейством. Слезы предательски щиплют глаза, и я с трудом сдерживаю рыдания, глотая их, словно горькую пилюлю. Даже не ожидала от себя такой сентиментальности.

– Попробуй поговорить с городским главой, – советует Джон, крепко сжимая мою руку своей сильной ладонью. – Слышал, у него есть какой-то старый дом на отшибе. Давно пустует. Вряд ли он много за него запросит. Хотя...

Я удивленно вскидываю брови.

– А почему он пустует так долго? Неужели никто не хочет там жить? В Гринвуде, кажется, каждый клочок земли на счету.

Марта вздыхает и опускает глаза, словно ей стыдно произносить эти слова. – Дело в том, что у этого дома дурная слава. Говорят, там раньше ведьма жила. Старая Клотильда. После ее смерти там всякое творится... Скрипит, стучит, тени какие-то видят, вещи пропадают. Люди боятся. Говорят, место проклятое.

Мурашки пробегают по моей коже, словно стадо мелких насекомых. Проклятый дом? Неужели я действительно собираюсь жить в таком месте, где обитают призраки прошлого и шепчутся злые духи? Холод сковывает мои внутренности. Но тут же одергиваю себя, словно даю пощечину. Что мне ведьмы и привидения? Я видела вещи пострашнее сказок, пережила то, что не пожелаешь и врагу. А главное, у меня нет других вариантов. Мне не нужно привлекать к себе лишнее внимание, а то будут присматриваться к богатой вдове и задавать ненуж-

ные вопросы, если буду прицениваться к богатым домам в самом городе. Придется довольствоваться тем, что есть.

– Спасибо вам, – говорю я, стараясь, чтобы в голосе звучала бодрость, хотя внутри все сжалось от страха. – Я поговорю с главой. Попытка не пытка. Может, все эти слухи просто выдумки.

Они обнимают меня напоследок по-настоящему крепко, вкладывая в эти объятия всю свою поддержку. Я отрываюсь от них и делаю первый шаг в новую жизнь, полную неизвестности и опасений. Иду дальше, вглубь города, к дому городского главы, словно иду на казнь.

Глава, толстый и потный мужчина с обвисшими щеками, как у бульдога, и запахом дешевого пива, который от него исходит, словно зловонное облако, сидит за огромным дубовым столом, который кажется слишком большим для его маленькой грязной конторы. Он ковыряется зубочисткой в зубах и смотрит на меня с явным пренебрежением, как на надоедливую муху. Его взгляд скользит по мне сверху вниз, словно оценивает товар на рынке.

– Так что тебе нужно, девочка? – спрашивает он, даже не потрудившись скрыть свою неприязнь. В голосе сквозят лень и раздражение.

– Я... я хотела бы купить дом, – говорю я, стараясь не показывать своего волнения. Горло пересохло, и голос звучит хрипло и неуверенно.

Глава усмехается, обнажая кривые пожелтевшие зубы.

– Купить дом? Ты? – его лицо исказила гримаса какой-то брезгливости. Интересно, что именно вызвало такую реакцию? Мой юный возраст или то, что Марта передела меня в свое старое платье, чтобы я не привлекала внимание, хотя бы попервой. – Не смейся меня. Ты даже на конуру для собаки не наскребешь. Иди лучше полы помой или скотину покорми, это у тебя лучше получится, – и мужчина рассмеялся своей шутке.

Я сглатываю обиду, словно горький ком, и стараюсь сохранить самообладание. Нельзя показывать ему свою слабость. Он только этого и ждет.

– Я слышала, у вас есть дом на окраине... Дом, в котором раньше жила Клотильда. Говорят, он давно пустует, – я достаю приготовленные монеты. Решила не ковыряться при главе города в кошельке, чтобы не привлекать к нему излишнего внимания. Но, видимо, у мужчины глаз наметан, и он, как рентген, сразу определил его наличие.

По моим подсчетам, у меня на все должно хватить, если только глава не станет взвинчивать цену, видя мой интерес. Сколько же он тогда может попросить за приличный дом, и подумать страшно.

Лицо главы меняется. Усмешка сползает с его губ, а взгляд становится каким-то странным – смесь удивления и злорадства.

– Ах, этот дом... Да, есть такой. Но зачем он тебе? Ты ведь знаешь, что о нем говорят? Что там призраки живут, что он проклят? – а сам смотрит на монеты с жадностью.

– Я слышала слухи, – отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно. – Но мне все равно. Мне нужен дом. И я готова заплатить сколько смогу, – и я кивнула на деньги.

Глава откидывается на спинку стула, и тот жалобно скрипит под его весом. Он скрещивает руки на животе, словно довольный кот, поймавший мышь. – Хм... Ты смелая, хотя, может, просто глупая. Впрочем, неважно. Этот дом все равно никому не нужен. За него никто не даст и ломаного гроша. Все шарахаются от него как от чумного. Ладно, так и быть. Отдам тебе его за двадцать пять золотых. Только чтобы хоть кто-то за ним присматривал, а то совсем развалится. Да и налогов с него никаких не получишь, – сделал "одолжение" глава. Я посмотрела на монеты. У меня даже с деньгами, что подарили мне духи леса, не хватало, да еще же и на жизнь нужно было оставить. Я протянула то, что у меня было: – Я не могу дать больше.

– Эх, ну что с тобой делать, – кривится мужчина. – Должна будешь. Принесешь остаток в конце месяца, – торгуется мужчина, и я киваю, понутив голову.

– Хорошо, – проговорила я обреченно.

Глава довольно кивает, его глаза жадно блестят, как у крысы, увидевшей кусок сыра, и выгребает монеты себе в карман.

– Давай свои документы, оформим все необходимые бумаги, – протягивает городской глава лениво. – Остальные деньги принесешь и документы на дом заберешь, – усмехается мужчина.

Делать нечего, приходится отдать мои документы. У самой, правда, поджилки трясутся от страха. Документы-то поддельные. Толстяк бросает взгляд на выложенные мною на стол документы и удивленно приподнимает взгляд.

– Уже вдова, – констатирует он, задумчиво хмыкнув, а взгляд стал сально-похотливым, от которого мне чуть плохо не стало.

– Да, – подтверждаю, а сама подаюсь немного от него, чтобы, если что, успеть выскочить из помещения.

– Вот, держи ключ, – говорит он, протягивая мне старый ржавый ключ, покрытый зеленой патиной. Я беру его, но мужчина порывисто наклоняется в мою сторону и накрывает рукой мою руку с ключом. Ключ холодный на ощупь, словно прикосновение смерти, а ладонь городского главы потная и липкая. – И не говори потом, что я тебя не предупреждал. В этом доме тебе точно не будет скучно. Ха-ха.

Я выдергиваю руку из захвата и отступаю, заводя руку с ключом за спину, чтобы вытереть ее.

– Благодарю, – отвечаю сухо и, развернувшись, покидаю контору. Выйдя из дома главы, сжимаю ключ в руке, пока костяшки пальцев не белеют. Он кажется непомерно тяжелым, словно не ключ, а камень, привязанный к моей шее. Я отвязываю Леди и веду ее на окраину города, к дому, о котором ходят жуткие слухи и рассказывают страшные истории. К дому, который станет моим, несмотря ни на что.

Внутри меня бушует настоящий хаос. Страх, липкий и парализующий, сковывает все мои движения. Я боюсь неизвестности, боюсь того, что может ждать меня в этом проклятом доме. Что, если слухи правдивы? Что, если там действительно обитают призраки, которые не дадут мне покоя? Что, если я совершила огромную ошибку?

Но вместе со страхом во мне живет и предвкушение новой жизни, свободы, возможности начать все с чистого листа, построить свой собственный мир, где я буду сама себе хозяйка.

Я останавливаюсь на краю города и смотрю вдаль, туда, где виднеется крыша старого покосившегося дома. Дом Клотильды. Мой новый дом. Сердце бешено колотится в груди, словно пытается вырваться наружу. Я делаю глубокий вдох и выдыхаю. Ну что, проклятый дом, я иду.

Ключ скрипнул в замке, словно старый ворон, простуженно каркая, и дверь с трудом поддалась, издав протяжный стон, словно жалуясь на вековое одиночество. Запах затхлости, пыли и чего-то землистого, сырого ударил в нос, заставив меня поморщиться. Внутри было темно и сыро, словно в склепе. Будто меня заживо похоронили в воспоминаниях. Я распахнула ставни, надеясь прогнать тьму. Скупой свет дня пробился сквозь мутное стекло, высвечивая танцующие пылинки в воздухе.

Первое, что бросилось в глаза, – паутина. Она висела везде: в углах, как призрачные занавеси, на мебели – будто серый саван, на потолке – словно мохнатая плесень. Пауки, эти маленькие ткачи смерти, чувствовали себя здесь полноправными хозяевами. Обстановка была скромной и ветхой, словно ее собирали с миру по нитке: старый шатающийся стол с надломленной ножкой, которую закрутили бечевкой, пара скрипучих табуретов с выцветшей накидкой на сиденьях. Кресло-качалка с выдавшей виды шалью, небрежно брошенной на спинку и свисающей до самого пола. И огромный, почерневший от времени и сырости, окованный железом сундук в углу. Он казался самым надежным предметом во всем доме, хранителем

каких-то давно забытых тайн. Ничего зловещего, никаких признаков потустороннего. Просто запущенность, запустение и глухая, давящая тишина.

Я обошла дом, заглянула в каждую комнату. К слову, их было не так уж и много. Одна большая кухня внизу, на манер студий из моего мира, с камином и очагом, и пара комнат на втором этаже. Но были еще небольшие кладовки и кладовочки, но это не в счет. Я словно искала в доме хоть какой-то намек на жизнь. Везде было одно и то же: толстый слой пыли, сквозь который едва проступали очертания предметов, паутина, оплетающая все, словно сми- рительная рубашка, и ощущение, что здесь не просто давно никто не жил, а словно здесь вообще никогда не жили. Кухня с облупившейся краской, обнажающей слои старой побелки. Спальня с провисшей кроватью, будто старушечий рот без зубов, и треснувшим зеркалом, в котором мое отражение казалось размытым и призрачным. Никаких призраков, никаких зло- вешних теней, только печальное свидетельство того, как время беспощадно пожирает все, пре- вращая дома в склепы, а воспоминания – в пыль.

Выйдя на задний двор, я ахнула. Передо мной раскинулся огромный заросший огород. Он спускался к реке, словно зеленые волны, окаменевшие во времени. "Змеевка", – вспомнила я название, услышанное от Марты. Название соответствовало действительности: река извива- лась, словно змея, теряясь в зарослях ивняка. Местами еще виднелись грядки, словно шрамы на теле земли, на которых жалко зеленели остатки каких-то овощей, брошенных на произ- вол судьбы. Тыквы, похожие на огромные оранжевые головы, уныло лежали на земле, под- гнивая от сырости, привлекая полчища слизней. Сквозь бурьян пробивались сорняки, словно армия захватчиков, отвоевывая себе жизненное пространство. Несмотря на все это запустение, чувствовалось, что когда-то здесь кипела жизнь, звенел детский смех, пахло свежей землей и созревающими плодами. Старая яблоня, скрученная ветром, с корой, похожей на старческую кожу, протягивала ко мне свои сухие скрюченные ветви, будто прося о помощи, о глотке воды, о лучике тепла.

Я спустилась по заросшим ступеням к реке, замечая, как высокая влажная трава остав- ляет мокрые следы на моей обуви. Шум воды приятно успокаивал, заглушая гул в голове, отго- няя непрошенные мысли. Внезапно я услышала громкий гомон и крики детей, грубые и жесто- кие.

Пройдя немного вперед, я увидела группу ребятишек, окруживших что-то черное и дер- гающееся.

Приблизившись, я разглядела здорового ворона. Дети гоняли его палками, целясь в него камнями, словно в живую мишень. Птица отчаянно пыталась взлететь, но, видимо, была ранена. Одно крыло беспомощно волочилось по земле, оставляя за собой темный след.

– Эй вы! – крикнула я, стараясь придать голосу как можно больше грозности, так как не была уверена, что мой оклик остановит издевательство над бедной птицей. – Что вы делаете? Немедленно прекратите!

Дети, испугавшись моего внезапного появления, моей злости, отразившейся в глазах, разбежались врассыпную, как тараканы, оставив ворона одного. Я подошла к птице. Он с опас- кой, с отчаянной болью в глазах смотрел на меня своими умными черными глазами, будто моля о пощаде.

– Ну, чего ты боишься? – проговорила я, протягивая руку, стараясь говорить мягко, успо- каивающе. – Я тебя не обижу.

Ворон немного помедлил, словно взвешивая все за и против, а потом клюнул меня в палец, словно предупреждая, чтобы я не подходила ближе, показывая, что он еще может постоять за себя. Но я не отступила. Осторожно взяв птицу на руки, почувствовала, как сильно бьется ее маленькое испуганное сердце. Крыло действительно было сломано, и я почувство- вала, как по моей руке скользнула теплая капля крови.

– Ничего, мы это исправим, – пообещала я ворону, глядя ему прямо в глаза. – Сейчас я отнесу тебя в дом, и мы что-нибудь придумаем.

Я понесла птицу в дом, чувствуя, как ее тепло согревает мои руки, как ее боль отзывается во мне. Внутри дома было по-прежнему мрачно и неудобно, но теперь здесь было уже не так одиноко. У меня появился новый жилец, товарищ по несчастью. И почему-то мне казалось, что с появлением этого ворона в моей жизни что-то изменится. Может быть, он и есть тот самый призрак, о котором говорили местные жители? Только вместо того, чтобы пугать, он принесет мне удачу или станет моим проводником в этом странном забытом месте. Или, по крайней мере, составит компанию в этом мрачном доме.

Я бережно опустила ворона на стол, стараясь не причинить ему лишней боли. Птица, казалось, понимала это, потому что не сопротивлялась, лишь мелко, судорожно вздрагивала всем телом, когда я прикасалась к сломанному крылу. Черные, блестящие, как полированный оникс, глаза неотрывно следили за мной, в их глубине плескалась мутная смесь страха, отчаяния и... доверия. Какой-то невероятный, почти человеческий взгляд, словно в этой птице заточен дух древнего мага.

– Тише, тише, мой хороший, – шептала я, успокаивая скорее себя, чем его. Мой голос дрожал, выдавая мое собственное волнение. – Сейчас все будет хорошо. Просто немного потерпи. Я постараюсь помочь.

Торопливо, почти лихорадочно я развязала свою походную сумку, что занесла сразу в дом и оставила на столе. Леди осталась же стоять у покосившейся коновязи, терпеливо пофыркивая и перебирая копытами, словно ощущала мою тревогу. Хорошо, что, повинувшись предчувствию, я догадалась захватить с собой самое необходимое. Из сумки, пахнувшей травами и немного кожей, я извлекла чистую льняную тряпицу, старенькие ножницы с посеребренными ручками и несколько ровных гладких палочек, найденных в зачарованном лесу по пути сюда. Из палочек сделаю что-то вроде примитивной шины. Я даже не понимала тогда, зачем я эти веточки в сумку кинула, но вот, оказывается, все не просто так. Я никогда раньше не занималась лечением птиц, мои навыки были самыми элементарными, на уровне школьных уроков ОБЖ, но они навсегда вьелись в память.

Разрезав тряпицу на ровные полоски, я аккуратно, почти благоговейно, промыла рану на крыле чистой родниковой водой из фляги, привезенной с собой. Ворон вздрогнул всем телом, его перья взъерошились, и он издал тихий болезненный писк.

– Прости, прости, – снова прошептала я, чувствуя, как сжимается мое сердце от жалости и сострадания. – Это чтобы не было заражения. Чтобы всякая зараза не пристала. Ты ведь не хочешь, чтобы твое крылышко совсем перестало летать, чтобы ты не мог больше парить в небесах?

Зафиксировав сломанное крыло в правильном положении с помощью палочек, я начала обматывать его тряпичными полосками, стараясь не затягивать слишком туго, чтобы не причинить еще больше боли. Ворон терпеливо сносил мои неумелые манипуляции, лишь изредка поглядывая на меня. Его осмысленный, пронзительный взгляд просто поражал меня до глубины души. Словно он понимал каждое мое движение, чувствовал мои намерения и принимал мою помощь, как дар свыше.

– Вот и все, – сказала я, выдыхая с облегчением, закончив перевязку. – Теперь тебе нужно немного отдохнуть. Не дергайся и старайся не двигать крылом, дай ему срастись.

Я отступила на шаг, оглядывая птицу. Ворон лежал на столе неподвижно, устремив на меня свои черные, как оникс, глаза, словно он читал мои мысли, видел мою душу насквозь. Казалось, он прислушивается к каждому моему слову, впитывает каждое мое движение.

– Ты умный, – пробормотала я, невольно обращаясь к нему как к равному, как к другу. – Очень умный. Кто ты? Как тебя зовут? Хотя, наверное, у тебя нет имени, у простой птицы. Что ж, тогда я дам тебе имя. Я буду звать тебя... Эм... Как насчет имени Геннадий? Тебе нравится?

Ворон не ответил, лишь чуть наклонил голову вбок, словно размышляя над моим предложением, оценивая его.

– Ну, Геннадий, отдохни, – сказала я, отступая от стола, давая ему пространство. – Завтра я посмотрю, как там твоя рана. А сейчас мне нужно заняться домом, привести его в порядок, чтобы нам обоим было здесь уютно.

Я повернулась, чтобы уйти, чувствуя его пристальный взгляд на своей спине, и вдруг услышала... карканье. Но это было не обычное карканье – грубое, хриплое. Это был звук, пропитанный какой-то странной интонацией, какой-то неземной мелодией. Словно... словно ворон пытался что-то сказать, выразить свои чувства.

Я замерла на месте как вкопанная и обернулась. Ворон все также лежал на столе, устремив на меня свой пронзительный, обжигающий взгляд. И тут я услышала это снова. Карканье. Но теперь сквозь обычные птичьи звуки я явственно услышала слова:

– Благодарю...

Я замерла. Не может быть. Мне, наверное, послышалось. Усталость, пережитый стресс, магия этого места – все это сыграло со мной злую шутку.

– Что? – прошептала я, не веря своим ушам, надеясь, что это всего лишь плод моего разыгравшегося воображения.

Ворон снова издал каркающий звук, и в этот раз он прозвучал еще отчетливее, словно он прилагал все усилия, чтобы меня услышали. И снова я услышала это слово, прозвучавшее в ночной тишине, словно удар колокола:

– Благодарю...

Я отступила на шаг, чувствуя, как по спине пробегает ледяной холодок, как волосы встают дыбом. Это невозможно. Вороны не говорят. Это против законов природы. Это просто бред, галлюцинация, игра разума.

Но взгляд Геннадия... Он был слишком осмысленным, слишком выразительным, слишком живым, чтобы быть обманом. И эти слова... Они звучали так отчетливо, так ясно, так проникновенно, что не оставалось никаких сомнений в их подлинности.

Я стояла как парализованная, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд от этой удивительной говорящей птицы, словно попала под гипноз.

– Я не пойму, что ты так удивляешься? – ворон Геннадий смотрел на меня своими умными, блестящими, как два уголька, глазами. В них читались и удивление, и легкое раздражение, словно ему приходилось объяснять очевидные вещи маленькому ребенку.

– Ты птица, – справедливо заметила я, но мои слова скорее звучали как-то вопросительно, нежели утвердительно. Мозг отказывался принимать реальность, протестовал против говорящего ворона, словно это был какой-то дурной сон, наваждение, вызванное усталостью и стрессом.

– Ну да, – кивнул ворон, качнув своей глянцевой головой. – Птица. А что тут удивительного? Никогда говорящих птиц не видела? – и мне даже показалось, что одна бровь у ворона приподнялась. Хотя откуда у ворона брови? Наверное, это просто игра света и тени на его оперении, но взгляд его был настолько лукавым, что мне стало совсем не по себе.

Я ущипнула себя за руку. Довольно сильно, чтобы почувствовать боль. Да, больно. Значит, не сплю. Головой потрясла, пытаюсь прогнать наваждение. Может, это в доме пары какие-то вредные? Какая-нибудь спорынья или мухоморы в стенах? Может, у меня галлюцинации?

Ворон хмыкнул или, точнее, каркнул с ноткой раздражения, словно я оскорбила его интеллектуальные способности.

– Никаких паров. Не выдумывай. И галлюцинаций тоже нет. Я вполне реален. Просто... несколько необычен. Я, знаешь ли, раньше жил здесь с той женщиной, которой этот дом принадлежал.

В голове все смешалось в густую непонятную кашу. Словно кто-то вылил туда ведро информации, которую мозг отказывался переваривать.

– С женщиной? Ты имеешь в виду... старуху, прежнюю хозяйку? Но... она же умерла, – прошептала я. Дом стоял заброшенным уже несколько лет, окутанный мрачными легендами и слухами.

– Умерла, – подтвердил Геннадий, грустно склонив голову. Его оперение слегка взъерошилось, словно он сам испытывал грусть. – Пусть облачко ей будет мягким, на котором она сейчас нежится. Хорошая была женщина.

– Так... так она знала, что ты умеешь говорить? И ты... ты был ее питомцем? Или... она была ведьмой? – выпалила я, не в силах сдержать любопытство и подступающий страх. Все эти слухи о проклятом доме, о ведьме...

Геннадий возмущенно вскинул голову, расправив свои угольно-черные крылья.

– Ведьмой? Чушь собачья! Она была знахаркой. Лечила людей травами, помогала советом. А ведьмой ее называли злые и недалекие люди, завистники. Всем помогала, кто бы к ней ни приходил, без разбора. Её дар был посланием небес, а не от темных сил. И не питомцем я был, а другом и товарищем. Мы многое с ней пережили.

– Но дом... говорят, он проклят, – прошептала я, пожившись, словно почувствовав, как сквозняк пробегает по спине.

Ворон фыркнул. Звук этот был полон презрения и насмешки.

– Проклят? Глупости. Просто я слегка... отпугивал потенциальных жильцов. Не хотел, чтобы здесь поселились какие-нибудь скряги или злые люди. Да и старуха перед смертью... она немного поколдовала. Оставила навет, что в этом доме будет жить дева с огненными волосами, чуждая этому миру, но с искренней и доброй душой.

Он посмотрел на меня своими пронзительными глазами, в которых отражались отблески солнечных лучей. Взгляд его проникал в самую душу, словно сканировал меня насквозь.

– И я уверен, Аэлита, что это ты. Ты та самая дева, которую ждала старуха.

Мое имя словно эхо разнеслось по комнате, подчеркивая нереальность происходящего. Дева с огненными волосами... Чужая этому миру... Но искренняя и добрая душой... Все это казалось абсурдом, нереальным сном, бредом воспаленного воображения. Я провела рукой по своим рыжим волосам, чувствуя, как внутри нарастает паника, как мир вокруг начинает рушиться, теряя свою привычную форму.

– Я... я не понимаю, – пробормотала, пытаюсь ухватиться за что-то рациональное, за здравый смысл. – Что мне теперь делать? Что все это значит?

Геннадий немного подождал, наблюдая за моей растерянностью, изучающе наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Потом он каркнул, на сей раз мягче, с какой-то нежной, успокаивающей интонацией, словно пытался меня приободрить.

– Просто живи, Аэлита. Просто живи. А судьба тебя найдет, если это твоя судьба. Навет силен, но он лишь направляет течение реки, а не создает его заново. Не бойся. И доверься себе. И, главное, не забывай кормить меня, – добавил он с лукавым блеском в глазах, словно напоминая о самом важном.

Глава 7.

И так мы начали обживать вместе с Геннадием в проклятом доме, который оказался самым обычным. В нем, вопреки всем ожиданиям, поселилась тихая, почти умиротворяющая атмосфера. Или, если быть точнее, началась совершенно новая глава моей жизни, где соседство с проклятиями и болтливым вороном воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Солнце, пробиваясь сквозь паутину на окнах, рисовало причудливые узоры на пыльных полках, а воздух был пропитан запахом старого дерева, сухих трав и легкой плесени – смесь, которая, как ни странно, начала мне нравиться.

Вместе с Геннадием мы приступили к обустройству нашего нового жилища. Я, вооружившись ведром с мыльной водой, источавшей слабый аромат лаванды, и тряпкой, самозабвенно отмывала вековую пыль с мебели и полов. Геннадий же, восседая на столе, где я оборудовала ему лежанку, пока крыло не придет в норму, с видом эксперта наблюдал за моими потугами, периодически выдавая язвительные, но, чего уж греха таить, дельные комментарии.

– Тут нужно хорошенько потереть, Аэлита, – каркал он, наклоня голову набок и наблюдая за моими отчаянными попытками очистить старинный комод от въевшейся грязи. – Старуха всегда здесь воском полировала, чтобы жучок не завелся и всякая нечисть не прилипла. А ты, я смотрю, не особо усердствуешь.

– Спасибо за ценный совет, – бурчала я в ответ, стараясь не обращать внимания на его ехидство. Мне почему-то казалось, что этот пернатый критик лучше меня знает, где что лежит, как должно выглядеть и как правильно убираться. Впрочем, если честно, так оно и было. Он ведь тут жил гораздо дольше меня.

После утомительной уборки Геннадий, словно опытный гид, предложил мне обзорную экскурсию по дому. Оказалось, что у нашей бывшей хозяйки, старухи-знахарки, был не только чердак, заваленный старым хламом и покрытый слоем пыли толщиной в палец, но и настоящий подвал. Спуск в это таинственное подземелье был искусно замаскирован за неприметной дверцей в кладовке. Спустившись по скрипучей лестнице, которая, казалось, вот-вот развалится под моим весом, я ахнула от удивления. Подвал оказался просто огромным, разделенным на несколько просторных комнат. В одной из них возвышался старый, медный перегонный куб, а стены были уставлены полками, заставленными склянками, баночками и пузырьками с разноцветными травами, кореньями и загадочными жидкостями. Судя по всему, именно здесь старуха творила свои чудеса – готовила зелья, настойки и приворотные зелья (надеюсь, последних тут не было). Я не хотела заходить в нее и рассматривать толком содержимое всех емкостей, полагая, что ничего съедобного или пригодного для употребления в пищу там не найду.

– Ну что, Аэлита, – провозгласил Геннадий, перебравшись с моей руки ко мне на плечо и театрально раскинув крылья, хоть я и запретила ему шевелить травмированным, но он был не очень послушным пациентом, – вот оно, твое золотое дно! Здесь тебе и отвары от всех болезней, и мази от ушибов, и настойки для красоты. Бери – не хочу, намекает мне Геннадий, что зря я не стала заходить и рассматривать запасы зелий бывшей хозяйки дома.

– Ничего я оттуда брать не хочу. Честно говоря, заходить и смотреть не хочется, – ответила я, даже не посмотрев в сторону "лаборатории" старухи Клотильды, – нам бы для начала найти что-нибудь от голода. А голод, как известно, лечится только едой.

И тут мы заглянули в другие комнаты подвала. Там обнаружили настоящие "сокровища" – полусгнившие залежи провизии. В деревянных ящиках лежали сморщенная свекла и морковь, капуста ссохлась, а местами просто сгнила, как и картошка. Но из всего этого "богатства" можно было выбрать немного клубней, чтобы приготовить.

– Повезло так повезло, – с сарказмом заметила я, разглядывая запасы. – Паршиво, конечно, но хоть с голоду не помрем. Кстати, а теми настойками можно тебя вылечить?

– Нет, они для людей, а мое крыло и само заживет, можешь не волноваться, – успокоил меня Геннадий.

Вечером, уютно устроившись у камина и попивая чай из душистых трав (нашла какой-то сбор с успокаивающим названием "Сон-трава"), я строила планы на ближайшее будущее. Нужно было срочно придумать, чем заниматься, чтобы заработать на жизнь. Дом требовал серьезного ремонта, да и на продукты деньги рано или поздно понадобятся. Моих сбережений надолго не хватит, да и у людей вопросы начнутся, на что я живу, если я работать не буду. Уверена, здесь умеют считать деньги в чужом кармане не хуже, чем и в моем мире.

– Может, продолжим дело старухи? – вдруг предложил Геннадий, внимательно наблюдая за мной своими пронизательными глазами. – У тебя есть все необходимое: травы, рецепты... Да и клиенты, уверен, найдутся. Местные бабы всегда любили привороты да отвороты.

– Нет, – твердо отказалась я. – Это не мое. Я слишком мало знаю о травах, а готовить из них лекарства и тем более приворотные зелья – это совсем не по мне. Не хочу никого обманывать. Да и вообще эти привороты – сомнительное занятие. Лучше пусть люди сами решают, с кем им быть.

Вместо этого я задумалась о заброшенном огороде. Заросший сорняками, бурьяном и колючками, он тем не менее сохранял следы былого великолепия. Я представила себе, как он будет выглядеть, если приложить немного усилий: ровные грядки, сочная зелень, яркие овощи...

– Знаешь что, Геннадий, – сказала я, глядя на ворона. – Займемся-ка мы огородом. Вырастим овощи и будем продавать на рынке.

Геннадий скептически фыркнул.

– Овощи? – переспросил он с явным пренебрежением в голосе. – Да здесь каждый второй житель выращивает свои овощи. Ты думаешь, ты сможешь кого-то удивить простой морковкой?

– А мы не будем продавать простую морковку, – возразила я, загоревшись новой идеей. – Мы будем делать из нее заготовки. Соленья, маринады, варенья... Будем закатывать овощи в банки, чтобы всю зиму есть вкусные и полезные продукты. А еще можно сушить овощи. Так они не будут занимать много места и дольше сохранятся. И травы тоже можно сушить и продавать как приправы.

Глаза мои загорелись энтузиазмом. В голове замелькали планы, идеи, рецепты. Я представила себе полки, заставленные яркими банками с разноцветными овощами, аромат которых будет согревать меня в холодные зимние вечера.

– Ну что, Гена, – сказала я, вставая с кресла, – завтра с утра пойдем готовить огород к посадке. Лето в самом разгаре, нужно торопиться. И так все уже пропустили, – я погрустнела. Посадками лучше заниматься с весны, а не в середине лета.

Ворон, поколебавшись немного, с неохотой встал со своей лежанки и перебрался ко мне на плечо. Именно там он перемещался последнее время, так как летать я ему запрещала.

– Ладно, уговорила, – прокаркал он. – Но ты учти, я в земле копать не буду. Это ниже моего достоинства. Моя задача – охранять урожай от вредителей. И от особо наглых соседских кошек.

Я улыбнулась, чувствуя, как в душе разливается теплое чувство надежды и предвкушения. Проклятый дом, говорящий ворон, заброшенный огород – вот моя нынешняя реальность.

А дальше началась изматывающая череда будней. Приводить в порядок заросший огород оказалось предприятием куда более тяжким, чем я могла себе представить. Легче было вдохнуть новую жизнь в дом, стерев с него вековую пыль, чем усмирить буйство сорняков, которые, казалось, искренне верили, что это я посягнула на их законные владения, а не наоборот. Земля упрячилась, корни цеплялись за каждый сантиметр, и каждый вырванный с боем куст отзывался не только ноющей болью в спине, но и изодранными в кровь руками. Но во мне жили

бабушкина наука и упрямство, замешанное на любви к земле. Она учила меня не пасовать перед трудностями, видеть в работе не только пот и усталость, но и будущий урожай. И вот после трех дней изнурительной, почти яростной борьбы вместо непролазных джунглей передо мной красовался аккуратный, словно выбритый огород. Смотреть на него было приятно, даже гордость какая-то просыпалась внутри. Но удовлетворение длилось недолго, и в голове тут же зазвучал новый вопрос: "А что теперь?"

– А где мне семена взять? – растерянно пробормотала я, вглядываясь в темную податливую землю.

– У старухи в подвале ж целый ящик был, – удивленно вскинул голову Геннадий. Сегодня мы сняли с него повязку, поддавшись его нытью о том, что "все в полном порядке и нечего тут ныть". Но, как мне кажется, крыло еще не совсем зажило, а может, он просто боялся признать свою слабость. Поэтому сейчас гордо восседал у меня на плече, делая вид, что совсем не опирается на больную лапу, которое тоже пострадала в неравной схватке с мальчишками. Я не стала спорить и настаивать, чтобы он летал. Было, конечно, немного странно ощущать на плече увесистую птицу, да и выглядела я, наверное, как капитан пиратов с попугаем, но Геннадий был моим единственным собеседником в этом забытом богом месте, а его ворчание – своего рода привычной и даже необходимой поддержкой.

– Идем тогда за семенами, – я горестно вздохнула, ощущая, как плечи невольно опускаются, и поплелась в подвал, с тоской предвкушая новую порцию нытья Гены. Ворон, свесившись с плеча, уверенно клюнул в сторону той самой коробки с семенами. Ну конечно. Как я могла догадаться, что сокровища прячутся в этих невзрачных, потертых, выцветших мешочках, если на них не было ни единого внятного обозначения? Ни тебе ярких картинок, ни названий сортов – сплошная загадка, словно ребус, оставленный мне в наследство. Взяв ящичек, я поднялась обратно в кухню, разложила семена на столе и, задумчиво постукивая пальцем по подбородку, принялась изучать это разноцветное богатство.

– О чем задумалась? – Геннадий, как всегда, оказался на удивление разговорчивым вороном, но меня это несколько не раздражало. Наоборот, его болтовня, такая нескладная и непривычная, заполняла давящую тишину в доме и создавала хоть какую-то иллюзию нормальной жизни. Да и кто еще, кроме него, знал правду обо мне? С кем еще я могла хоть что-то обсудить, не боясь осуждения или непонимания?

– Если кабачки, к примеру, успеют вырасти за это лето, то помидоры и огурцы вполне могут и не успеть. Мне нужны раннеспелые сорта, а тут у твоей старушки все вперемешку, – расстроено посмотрела я на ворона, чувствуя, как внутри нарастает паника. – Как тут вообще можно разобраться?

– Не бойся, сажай, а вырасти они успеют, – какое-то хитрое, я бы даже сказала, лукавое выражение появилось у птицы. Мне вдруг показалось, что он что-то от меня скрывает, будто знает какой-то секрет, недоступный моему пониманию. Но что?

– Хорошо, – неуверенно протянула я, чувствуя себя маленькой девочкой, доверившейся мудрости старого ворона. Выбрала всего понемногу, что, как мне казалось, нужно было в первую очередь, замочила в теплой воде, а остальное просто отложила в сторонку, решив разобраться позже.

Дальше дело пошло за оформлением грядок и подготовкой почвы к посадкам. Я принесла две тяжелые корзины речного ила, с трудом волоча их за собой, и решила использовать его в качестве удобрения для истощенной почвы. Земля здесь была бедная, глинистая, и без хорошей подкормки на богатый урожай рассчитывать не стоило. Геннадий лишь посмеивался надо мной, сидя на заборе и поглядывая свысока, говоря, что мне это все равно не пригодится и что "у меня и так все вырастет как на дрожжах". Но я решила не полагаться на сомнительные пророчества ворона и сделала все по уму, как учила бабушка. Подготовка заняла еще два долгих дня, наполненных усталостью и предвкушением, и вот, наконец, пришло

время посадки. Семена достаточно разбухли, и я с замиранием сердца, словно отправляясь в рискованное путешествие, высадила свои будущие помидорчики, огурчики, кабачки, перец и баклажанчики аккуратными ровными рядочками на огороде. По периметру огорода я щедро рассыпала семена тыквы, кукурузы и подсолнухов. "Не успеют вызреть до конца, так хоть глаз радовать будут", – меланхолично рассудила я, пытаюсь унять нарастающую тревогу. Потратив весь день на посадки, вкладывая в каждую грядку частичку своей надежды, к вечеру я чувствовала себя выжатой как лимон. Еле доползла до кровати и уснула без задних ног, даже не подозревая, что меня ждет утром. В душе теплилась робкая, почти детская надежда на хороший урожай, на то, что мои труды не пропадут даром, что эта земля откликнется на мою заботу. И, конечно же, на то, что Геннадий не зря так хитро ухмылялся, уверяя, что "все вырастет". Но что именно он имел в виду, оставалось для меня неразрешимой загадкой, поселяя в сердце смутное беспокойство.

Солнце нагло пробивалось сквозь выцветшие занавески, окрашивая комнату в какой-то нездоровый приторно-розовый цвет. Я застонала и попыталась пошевелиться, но тело взбунтовалось. Каждая мышца отзывалась глухой протестующей болью. Вчерашний день, отданный на растерзание огорода, выжал меня, кажется, до последней капли. Хотя почему только вчерашний? С того момента, как попала в этот дом, я работала не разгибая спины, вот мое тело аристократки и взбунтовалось. Выбравшись из-под теплого, но предательски тяжелого одеяла, я ощутила себя древней старухой, у которой впереди не жизнь, а бесконечная очередь в поликлинике.

На кухне царил приятный полумрак, нарушаемый лишь слабыми лучами солнца. Как жаль, что у меня нет кофе. Вот об этом напитке я тосковала очень сильно. Каждое утро, когда заставляла себя чуть ли не силой отрывать голову от подушки, я думала про этот горький бодрящий напиток. Но его не было в этом мире, а был только отвар из трав, который тоже горчил и даже бодрил, но это был не кофе. Пока в котелке закипала вода с ароматным пучком трав, который я туда опустила, раздобыв в закромах старухи, я окинула взглядом кухню. И что мне приготовить? Взгляд упал на мешочек с мукой и яйца, что я нашла в сарае. Оказывается, там у меня жили две курочки и петушок. Я обнаружила их, когда привела в порядок двор. Признаться, это было для меня новостью, так как Геннадий ни словом об этом не обмолвился. Кажется, он меня даже к ним приревновал, когда я обрадовалась, обнаружив их.

– Тоже мне удача, – проворчал он, сидя у меня на плече. – Подумаешь, две дурынды пернатые и горлопан, – обозвал он соплеменников и демонстративно отвернулся.

Я тогда не стала комментировать поведение Гены, но сейчас просто хотела сделать блинчики и угостить ими ворчливого ворона. Молоко у меня тоже нашлось, от соседки, которая приходила знакомиться. Пронырливая старушка, хочу я сказать, но вроде безобидная. Занесла корзину с угощениями, и кувшин молока. Правда, его было маловато, но ничего, водой разведу. Взмахнув стареньким венчиком, я быстро замесила нехитрое тесто и принялась жарить тонкие кружевные блинчики на чугунной сковороде, оставшейся еще от прежней хозяйки. Она, к слову, была довольно запаслива, за что я ей говорила большое-пребольшое спасибо. Аромат витал по всему дому и быстро разогнал остатки сна. Открыв банку с вишневым вареньем, густым и тягучим, я почувствовала легкое, почти призрачное прикосновение воспоминаний. Мне даже показалось на мгновение, что я не в странном, загадочном магическом мире, а у себя дома, вернее, в стареньком домике моей бабушки. Жарю блины, и варенье это она делала лично из ягод с дерева, что росло за оградой. Я даже встряхнула головой, чтобы отогнать это видение.

Геннадий, мой пернатый компаньон и по совместительству главный вредина, прилетел на кухню, видимо, повинаясь зову желудка и манящему запаху блинов. С невозмутимым видом усевшись на спинку стула, он с наглым видом поглядывал на сковороду, явно намекая на свою долю.

– Кар-кар, завтрак, – прокаркал он требовательно, словно голодный аристократ, требующий подать дичь к столу.

– Сейчас-сейчас, ненасытный, – улыбнулась я, откладывая для него парочку самых румяных блинчиков на отдельную тарелку. – Не лопнешь? На, угощайся, мой маленький обжора.

Геннадий, не теряя ни секунды, принялся уплетать блинчики за обе щеки, довольно покаркивая и бормоча что-то нечленораздельное.

– Что скажешь о погоде, синоптик мой пернатый? – спросила я, наливая себе чашку ароматного обжигающего травяного отвара. – Будет ли сегодня солнце благосклонно к моим хрупким росткам?

Геннадий с важным видом оторвался от еды и, вытерев клюв о край тарелки, прокаркал, словно зачитывал официальный прогноз:

– Кар-кар. Солнечно, тепло, к обеду возможен небольшой дождь. Рекомендуются убрать ценные вещи с улицы, – он был очень похож на диктора, освещающего метеопрогноз.

– Благодарю за столь точный прогноз, – усмехнулась я. – Значит, нужно успеть до дождя сбегать на огород и посмотреть, как там мои подопечные. Кстати, ярмарка в городе заканчивается через пару дней, да? Ты же у нас все знаешь.

– Кар-кар! Да, послезавтра последний день. Марта, Джон и Томми должны приехать, – прокаркал Геннадий, слегка приподняв одно крыло, словно поправляя воображаемый галстук. Я давно рассказала про своих спасителей, и Геннадий отправился вчера вечером перед сном их проводить. Сказал, что сам найдет их, а заодно и проверит свое зажившее крыло. Я так устала вчера, что не дождалась его и уснула, а сегодня была очень рада, что с ним все в порядке и он без происшествий вернулся домой.

– А ты откуда знаешь? – я даже заулыбалась, представив это семейство.

– Разговор их подслушал, – объяснил все ворон. – Твою покупку проклятого дома обсуждают все кому не лень.

В животе приятно защекотало от предвкушения встречи. Марта, Джон и Томми были мне словно семья, хоть и не связанные кровными узами. После завершения ярмарки им надо будет ехать в соседнее

селение, до которого добрых полдня.

– Надо будет испечь что-нибудь вкусное им в дорогу, – задумчиво произнесла я, глядя в окно. – Что-нибудь, что согреет их в пути и напомнит о доме... Пирог, наверное... или печенье. Что скажешь, Геннадий? Может, дашь совет от эксперта?

– Кар-кар, – встрепенулся Геннадий, распушив перья. – Томми наверняка захочет пирог с яблоками. Он их просто обожает.

– И все-то ты знаешь, – улыбнулась я, чувствуя, как тепло разливается по всему телу. – Сделаю самый вкусный пирог с яблоками, какой он только пробовал. Только, Геннадий, прошу тебя... не показывай им, что ты умеешь говорить. Умоляю.

Ворон недовольно нахохлился, словно я только что оскорбила его лучшие чувства.

– Кар. Ладно, так уж и быть. Сделаю тебе одолжение. Но если Томми будет меня обижать...

– Томми не будет тебя обижать, – перебила я его с уверенностью в голосе. – Он очень хороший и добрый мальчик. Не такой, как те злобные ребяташки, которые тебя обижали и у которых я тебя отбила.

Геннадий помрачнел, словно вспомнил что-то неприятное.

– Помню... Это было унижительно.

– Вот увидишь, – ласково сказала я, погладив его по голове. – Томми не такой. Он обязательно тебя полюбит, и вы станете лучшими друзьями. Но для этого нужно соблюдать секретность, хорошо?

Покончив с завтраком и вымыв посуду, я с легкой тревогой и одновременно с предвкушением направилась к огороду. "Интересно, как там мои посадки? – думала я, подходя к покосившейся калитке. – Надеюсь, ничего не пропало, не завяло. А вдруг Геннадий накаркал, и сейчас как раз начнется тот самый обещанный дождь?" Каково же было мое изумление, когда я увидела, что вместо голой земли, которую я оставила вчера вечером, на огороде уже всю красовались первые зеленые ростки. Маленькие, нежные, они пробивались сквозь землю, тянулись к солнцу, словно новорожденные дети, жаждущие материнской любви и тепла. Я замерла, словно приклеенная к земле, не в силах поверить своим глазам. Неужели это возможно? Неужели за одну ночь...

– Кар-кар, – довольно прокаркал Геннадий, усевшись мне на плечо и нарушив момент созерцания. – А я тебе говорил. У тебя все вырастет как на дрожжах.

– Но как? – прошептала я, не отрывая взгляда от грядок, словно боялась, что видение исчезнет. – Как это возможно?

– У старухи были специальные семена. Заговоренные. Они растут быстрее обычных, – прокаркал Геннадий с видом знатока, будто сам лично присутствовал при процессе их создания. – Магия, Аэлита, магия.

Глава 8.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в нежные пастельные тона, а я все еще переваривала увиденное на грядках. Не могу я привыкнуть, что мои посадки растут на глазах. Время тянулось медленно, словно патока, но вот, наконец, на сочных стеблях показались первые завязи плодов – маленькое чудо, рожденное магией и моим упорным трудом.

– А зачем твоя старуха знахарством занималась, если могла с овощами такую магию творить? – пробормотала я, устало опускаясь на лавку. Два грубых бревнышка и доска – вот и вся моя незатейливая мебель. Смастерить что-то более изящное, увы, не хватило ни навыков, ни времени. Но мне и этого было достаточно. Каким бы волшебным ни был рост растений, им все равно требовалась моя забота: полив, прополка. Спина ныла от усталости после бесчисленных ведер, вылитых на грядки.

Завтра приезжают Марта с Джоном и маленьким Томми. Сердце радостно забилося. Нужно отдохнуть и с новыми силами приниматься за готовку. Хочу напечь моих любимых пирожков с яйцом и зеленым луком. Благо лука у меня полным-полно. Тесто поставлю с вечера, чтобы к утру подошло пышным и воздушным. И, конечно, сварю сытный обед, чтобы хоть немного отблагодарить их за доброту и поддержку.

– Потому что ей нравилось помогать людям, – прокаркал ворон. Я так глубоко ушла в свои мысли, что и забыла о заданном Геннадию вопросе.

– Но ее же все боялись, – непонимающе нахмурилась я.

– Не боялись, а побаивались. Это разное, – поправил меня пернатый философ. – Всегда побаиваются тех, кто знает больше тебя. Знание – сила, а силу всегда уважают и немного опасаются.

– И что мы будем делать с этим урожаем? – я обвела взглядом буйство красок и зелени на моей плантации. Когда я сажала семена, руководствовалась принципом: "лучше больше, чем меньше". Зная о капризности всхожести, особенно у таких необычных семян, я рассчитывала, что взойдет от силы половина. А тут взошло все!

– Так это ты мне говорила, что продавать будешь! – удивился Гена, глядя на меня. Он даже глазки свои блестящие выпучил от изумления.

– Но не в таких же количествах! – я махнула рукой в сторону грядок. – Да и ты говорил, что все понемногу выращивают, и я никого не удивлю.

– Значит, надо придумать, что-нибудь этакое, необычное, – сказал ворон, но было видно, что это просто слова. Идей у него не было.

– Что необычное? Продавать мытую морковь и картошку? – мое предложение было на уровне бреда, явно здесь это не зайдет. – Но можно удивить и иначе, – задумчиво произнесла я, переводя взгляд с огорода на ворона. – Например, в приготовленном виде, – и на губах появилась лукавая улыбка. В голове уже рождались первые идеи.

– В смысле в бочках? Соленое? – уточнил Гена, явно почувствовав подвох.

– Не совсем, – усмехнулась я. – Консервация.

– Консер... что? – вытаращился на меня болтливый собеседник.

– Консервация, – повторила я незнакомое для ворона слово. Я уже представила, как аромат спелых томатов и огурцов смешивался с запахом пряных трав, создавая пьянящий коктейль. Летний воздух звенел от стрекота цикад и пения птиц.

– Это что-то с магией связанное? – прищурился пернатый собеседник, заподозрив неладное.

– Можно и так сказать, – лукаво подмигнула я птице. – Идем.

– Куда? – не понял Гена, но все же проворно перебрался ко мне на плечо.

– Проведем инспекцию в кладовке твоей старушки, а заодно будем готовиться к приему гостей. И знаешь что?

– Что? – насторожился Геннадий.

– Может, тебе на диету сесть? – я качнула плечом, на котором восседал ворон. За эти несколько дней, что он облюбовал мое плечо в качестве средства передвижения, я уже порядком устала таскать его на себе. А он летать, кажется, и не собирался.

– Ограничение в еде негативно отражается не только на блеске перьев, но и на характере, – огрызнулся Гена.

– В смысле? – я попыталась взглянуть на птицу, но у меня не вышло. Вечернее солнце, пробиваясь сквозь листву деревьев, играло золотыми бликами на его черном оперении.

– Характер становится очень вредным, я бы даже сказал, невыносимым, – объяснил мне ворон.

– Тогда кушай сколько хочешь, только плечо мое освободи, – вздохнула я, представив, что если у ворона станет еще более вредный характер, то это точно будет невыносимо. Я ощущала не только усталость, но и предвкушение: предвкушение будущего урожая, радости от встречи с друзьями и, конечно же, чего-то нового.

– Геннадий, сегодня же совершаем налет на кладовые, – весело скомандовала я, предвкушая наше приключение и направляясь к дому.

Ворон в ответ хрипло каркнул, словно подтверждая готовность к заданию, и поудобнее пересел на плечо, поправив блестящее крыло. Первой в нашем списке была кладовка в подвале – мрачное царство старых запасов. Осторожно ступая по скрипучим ступеням, я погрузилась в прохладный полумрак, где влажный воздух был пропитан запахом сырой земли и пыли, от которого невольно морщился нос. Запах был затхлым и неприятным, вызывая легкую дрожь отвращения, но я, сжав зубы, постаралась не обращать на это внимания. Окинув взглядом сумрачное помещение, я обнаружила ряды полок, плотно уставленных старыми банками и бутылками всех форм и размеров. Большинство из них уныло зияли пустотой, но некоторые, словно старые склянки алхимика, содержали мутные жидкости и нечто похожее на заплесневелые корни, от одного вида которых мурашки побежали по коже. "Фу, какая гадость!" – пронеслось в голове, и я, не удержавшись, отодвинула подальше сомнительные емкости, стараясь не задеть их.

Но самой большой неожиданностью для меня стало наличие еще одной кладовки, полностью противоположной той, что была в подвале. Вторая кладовка, располагалась на чердаке и была полной противоположностью первой, в подвале. Светлой, сухой и доверху набитой пылью, которая, казалось, танцевала в лучах солнца. Солнечные лучи, проникающие сквозь щели в крыше, рисовали причудливые узоры на стенах и полу, создавая атмосферу заброшенной сокровищницы. Здесь, среди старых сундуков, забытых коробок и мешков с сушеными травами, пахнущих ушедшим летом, я и обнаружила... о чудо!.. Целые залежи пустых банок для консервации. Сердце радостно подпрыгнуло, и я, словно золотоискатель, с азартом принялась перебирать найденное сокровище. Банки были разных размеров и форм – от крошечных баночек до литровых гигантов, но все они, покрытые слоем пыли, выглядели вполне пригодными для использования после тщательной очистки и стерилизации.

"Вот это удача! Надеюсь, нам их хватит", – ликовала я про себя, представляя, как заполню их вареньем и соленьями.

Покончив с кладовыми и чувствуя приятную усталость, я вспомнила о пироге для Томми. Яблок у меня, к сожалению, не оказалось, поэтому я решила обратиться к соседке. К той самой добродушной женщине, живущей неподалеку, которая раньше мне приносила корзинку. Хотя это неподалеку находилось в десяти минутах ходьбы, но ближе соседей у меня не было. Ни у кого не было желания жить рядом с "проклятым" домом.

Ее домик, утопающий в цветах, был небольшим, но ухоженным, с аккуратным палисадником и огородом, где, казалось, все росло с удвоенной силой. На мой негромкий стук в дверь вышла дородная женщина с добрым лицом, испещренным морщинками от улыбок, и лучистыми, словно солнышки, глазами.

– Здравствуй, Аэлита, – приветливо сказала она, с интересом рассматривая меня. – Что-то случилось, милая?

– Здравствуйте, – ответила я, стараясь говорить как можно более дружелюбно. – Хотела узнать, не найдется ли у вас яблок на продажу? Хочу испечь пирог для друзей, которые завтра приезжают в гости.

Она общалась со мной как со старой знакомой, хотя и не знала меня толком.

– Яблоки есть, конечно есть, – улыбнулась соседка, отчего ее лицо стало еще теплее. – Сейчас принесу.

Она скрылась в доме и вскоре вернулась с корзиной, полной сочных румяных яблок, источающих восхитительный аромат.

– Вот, выбирай, какие больше нравятся, – предложила она, протягивая мне корзину.

Я с благодарностью выбрала самые красивые спелые яблоки, чувствуя, как их гладкая кожица приятно холодит ладонь, и спросила, сколько я должна.

– Да что ты, милая, – отмахнулась соседка, словно отгоняя назойливую муху. – Бери так. Соседям помогать надо, тем более таким молодым и красивым, как ты.

– Спасибо вам большое, – искренне поблагодарила я.

– Постой, Аэлита, – вдруг сказала соседка, и в ее голосе прозвучали нотки любопытства и какой-то странной настороженности.

– Да, – ответила я, немного насторожившись.

– И как тебе в доме колдуньи? Не страшно? – продолжала допытываться соседка, внимательно изучая мое лицо. – Говорят, там нечисто...

– Да нормально все, – постаралась я ответить как можно непринужденнее, надеясь, что мой голос звучит убедительно. – Дом как дом. Ничего особенного.

– А я слышала, у тебя там все растет как на дрожжах, – не унималась женщина, бросая на меня подозрительный взгляд. – Что посадишь, то сразу всходит, да еще и урожай небывалый. Неужто правда?

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, а сердце вдруг забилось быстрее. До этого момента я, наивная, не задумывалась о том, что мои волшебные посадки могут вызвать не только удивление, но и нездоровое любопытство, переходящее в подозрение. "Вот оно что, – пронеслось у меня в голове. – Из-за того, что я поселилась в "проклятом" доме, ко мне тоже начинают относиться с опаской и недоверием."

– Да вы что, – попыталась я отшутиться, стараясь скрыть волнение. – Просто год нынче урожайный. Всем везет. Вот и все.

Но соседка, казалось, не поверила моим словам. В ее добрых глазах мелькнула тень недоверия и опасения, с толикой какого-то суеверного страха.

– Ну, смотри, Аэлита, – сказала она, немного помолчав и словно взвешивая каждое слово. – Будь осторожна. Мало ли что... Всякое в жизни бывает.

С этими словами она вернулась в дом, оставив меня в полном замешательстве и тревоге. "Что же делать? – думала я, идя домой с корзиной яблок, чувствуя, как тяжесть ноши в руках усугубляется тяжестью неприятных мыслей. – Как скрыть от посторонних глаз свои волшебные посадки? Как сделать так, чтобы мои дары не вызвали зависть и страх? И как, в конце концов, убедить людей, что я не ведьма и не собираюсь никому вредить?" В голове роились тревожные мысли, словно потревоженные пчелы, но я старалась не поддаваться панике. "Главное – не привлекать к себе лишнего внимания, не хвастаться и делать добро, – решила я, пытаюсь успокоить себя. – А там видно будет. Жизнь покажет."

Вернувшись домой, я первым делом принялась за приготовление яблочного пирога. Вдохнув полной грудью аромат спелых яблок, я с наслаждением наполнила дом ароматом корицы, которую мне щедро презентовала старушка-соседка, и печеных яблок, стараясь забыть о неприятном разговоре с соседкой и сосредоточиться на предстоящей встрече с друзьями. Ведь завтра в мой дом придут радость и тепло, наполняя его смехом и приятными разговорами, и это самое главное. Я испеку самый вкусный пирог, который когда-либо пробовали Томми и его родители.

Войдя в дом и грузно поставив корзину на стол, я плюхнулась на стул, чувствуя себя выжатой, словно переспелый лимон, из которого выдавили последнюю каплю сока. Аромат яблок, обычно такой теплый и домашний, сегодня казался навязчивым, даже каким-то раздражающим. Вызывая диссонанс с этой внезапно сгустившейся атмосферой страха.

– Представляешь, Гена, – со сдавленным вздохом обратилась я к ворону, который, словно истинный хозяин положения, вальяжно восседал на спинке дивана, – соседка... она практически прямо намекнула, что считает меня... ведьмой!

– А чего ты хотела? Живешь в доме старой колдуньи, огород у тебя колосится как по волшебству... Неудивительно, что местные бабки шепчутся по углам.

– Да, видимо, урожай этот небывалый в этом виноват, – устало вздохнула я, чувствуя, как внутри нарастает какое-то смутное отчаяние. – Соседка прямо так и сказала, что у меня все растет как на дрожжах. И что теперь делать? Все ведь правда подумают, что я с нечистой силой якшаюсь. То ли еще будет, когда я решусь консервировать это все богатство.

Геннадий лишь фыркнул в ответ, словно говоря: "А чего ты, собственно, ожидала, поселившись в этом забытом богом месте?"

Решение о консервации немного отвлекло меня от гнетущих мыслей, но тревога, словно надоедливый комар, никуда не делась. Разговор с соседкой, ее подозрительный взгляд и двусмысленные предостережения не выходили у меня из головы. Замешивая тесто для пирога и нарезая сочные яблоки, я снова и снова прокручивала в голове этот неприятный разговор, размышляя о том, как же мне убедить людей, что я не ведьма и не собираюсь никому вредить. "Может быть, действительно стоит прекратить колдовать с огородом? – пронеслось в голове. – Но тогда... Тогда мне просто надо будет с голоду помирать. Запасов старухи, да и тех что принесла соседка, надолго не хватит." Если те сгнившие и иссохшие овощи вообще можно запасами назвать. Да и мои сбережения не так велики, чтобы жить и в ус не дуть. Тем более я еще должна главе городка за дом отдать остатки. Вот надо было сразу все платить и не оставлять долгов! Но тогда бы у меня вообще за душой не осталось ни гроша. А ведь я рассчитывала, что денег, вырученных за украшения, накопленных и полученных в дар от духов, хватит на какое-то время. Но, видимо, здесь своя инфляция.

В итоге, так и не найдя ответа на этот мучительный вопрос, я решила отложить его до завтра. "Марта... Марта обязательно что-нибудь посоветует", – подумала я, наивно надеясь на мудрость и жизненный опыт матери Томми.

Вспомнив о Марте и о предстоящей встрече, я невольно улыбнулась. Завтра будет весело. А пока... нужно сосредоточиться на приготовлении пирога и подготовке к приезду дорогих гостей. Нужно создать в этом доме атмосферу тепла, уюта и гостеприимства, чтобы хоть на время развеять сгустившиеся вокруг него тени.

Но мысли о заготовках все не хотели уходить из моей головы. И пока пирог аппетитно румянился в печи, наполняя дом волшебным ароматом корицы и печеных яблок, я стала вспоминать свои фирменные рецепты. И тут вдруг в памяти всплыл один из самых любимых – аджика! Острая, жгучая, ароматная, словно лета и солнца, заключенная в маленькой баночке. "Вот бы сейчас да свежих помидорчиков, да болгарского перчика, да острого чили!" – мечтательно подумала я, представляя, как буду готовить это волшебное блюдо, как только созреет урожай. Как буду тщательно выбирать самые спелые и сочные плоды, как буду с любовью пере-

малывать их вместе с чесноком, травами и специями, создавая этот божественный нектар, способный одним своим ароматом согреть душу и разогнать любую печаль. Интересно, местным понравится аджика?

Глава 9.

Я проснулась с первыми лучами солнца, пробивающимися сквозь щели в ставнях. Сегодня день приезда Марты с семьей. Казалось бы, они мне малознакомые люди, но я по ним ужасно скучала. Сердце трепетало от радостного предвкушения, как у ребенка, ожидающего подарка. Вскочив с кровати, я распахнула окно, впуская в комнату свежий утренний в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.